

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 143

С. И. РЫЖАКОВА

**ЛИВЫ:
ОПЫТ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЧТИ
ИСЧЕЗНУВШЕГО НАРОДА**

Москва
2001

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 143

С. И. РЫЖАКОВА

**ЛИВЫ:
ОПЫТ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЧТИ
ИСЧЕЗНУВШЕГО НАРОДА**

**Москва
2001**

ISBN 5-201-13758-x (5)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 143.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

С. И. РЫЖАКОВА

ЛИВЫ:

опыт возрождения почти исчезнувшего народа

Работа написана в рамках проекта
«Балтийские этнокультурные стереотипы и образы»,
грант РФФИ № 01-06-80041.

Об авторе

Рыжакова Светлана Игоревна – кандидат исторических наук. В 1994 г. окончила кафедру музеологии Московского Государственного университета культуры, в 1997 г. – аспирантуру Института Этнологии и Антропологии РАН. В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию по специальности “этнография, этнология и антропология”. С 1998 г. работает в Отделе Европы ИЭА РАН. Основные направления исследований – история культуры и семиотические исследования народов Прибалтики (латышей, литовцев) и др. Автор более 30 публикаций. Участвовала в 20 научных конференциях и конгрессах.

About the Author

RŪZHAKOVA, SVETLANA I.

– Ph.D. hist. MA in 1994 from the Department of Museology, Moscow State University of Culture. Ph. D. from the Institute of Ethnology and Anthropology in 1997. Since 1998 member of the Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences (Department of Ethnic European Studies). Basic interests – the cultural anthropology and semiotic researches of Balts (Latvian, Lithuanian) and other. Over 30 publications. Participated in 20 scientific conferences and congresses.

Summary

RŪZHAKOVA S.I. LIVONIANS – ALMOST DISAPPEARED ETHNIC GROUP:
THE EXPERIENCE OF REVIVAL

The author of this paper analyses the process of ethnic and cultural revival of the Livonians – small Finno-Ugric ethnic group inhabiting now the north-western part of Latvia. Liven culture combines the features of the Finno-Ugric and Baltic traditions. From 10. c. AD the Livonians inhabited the central and north Vidzeme and north Kurzeme regions of Latvia. In past the Livonians were involved into ethno-cultural process of forming Latvia's nation. There are only 189 Livonians in official list, however, following unofficial statistic, it should be about 1000 persons today, who has Liven lineage.

In 1988 was reconstructed "Livonians unity" – the first organization of the Livonians in Latvia, that existed from 1923 up to 1940. In 1991 was organized the "Livonians Coast" – State particularly protected culture and historic territory. In 1994 was established the "Livonians cultural society", which takes great part in the revival of Livonians as ethnic group too. The creation of Livonians' folk groups (Livlist, Kandla, Viim) was the important part of the resurrection of this ethnicity. One more problem that attracted the attention of the author is the role of ethno-cultural symbols.

*В память о Паулине Клявине (1918-2001) –
одной из немногих последних знатоков ливского языка и культуры*

Аист, белая птица,
Только ли счастье несёшь ты?
Почему концы крыльев у тебя светятся чёрным?
Чёрный – это тьма,
Которая есть и могила.
Это исчезновение,

Уход.
Два аиста появились на побережье.
Заметив их, малые птицы
Высматривали солнце
И ждали весну.
(Карлис Сталте, пер. с ливского)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЗОР

Ливы – один из древних народов Прибалтики, издревле обитающий на территории современной Латвии¹. Законом Латвийской Республики «О свободном развитии национальных и этнических групп Латвии и их правах на национально-культурную автономию» от 19 марта 1991 г. они признаны как коренной народ Латвии.

В настоящее время ливы крайне немногочисленны. В 2000 г. число людей, официально зарегистрированных по паспорту как «ливы», было 175 человек. Сейчас они проживают в различных районах Латвии, в основном, в Риге и Вентспилсе, менее 50 человек более или менее постоянно живут в приморских поселках северной части провинции Курземе, в Колкской волости. В начале 1990-х гг. на этой земле был сформирован историко-культурный заповедник,

особо охраняемая территория «Берег ливов», сочетающий функции местного самоуправления и культурного центра, призванного сохранять и развивать культурное наследие ливов в целом.

К настоящему времени ливы полностью интегрированы в социальную и культурную жизнь Латвии: в абсолютном большинстве случаев их родным языком является латышский язык, ливским языком с детства владеют всего около десяти человек.

Среди ливов распространено христианство (rišt(ōd) usk): лютеранство (lutārusk, с XVII в.), баптизм (baptistōd usk, с 1870-х гг.) и в некоторой мере православие (pareizusk, pareiznikād usk, krieivōd usk – буквально «русская вера», с 1980-х гг.). Языческие верования, фрагментарно сохраняющиеся до наших дней, в XIX-XX вв. назывались li'ekōusk («лишняя вера»), mōņusk («суеверия»), vanā āiga usk («вера старых дней»), blekusk («вера в колоду»), tijā usk («пустая вера»), tūlusk («ветряная/ерундовая вера»).

Язык ливов относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи. Исследования в области ливского языкознания проводятся в настоящее вре-

¹ Настоящая работа написана с использованием материалов полевого исследования, выполненного в сентябре - октябре 1998 г. и в августе-сентябре 2001 г. Выражаю искреннюю и глубокую благодарность всем тем людям, которые помогли мне познакомиться с ливской культурой, этнокультурной ролью ливского возрождения в современной Латвии, а также представили многие из использованных в статье материалов: Эдгару и Зое Силис, Тыну Карме, Керсти Бойко, Валтсу Эрнштрейтсу, Гундеге и Ренате Блумберг, Дайнису и Хелми Сталтам, Паулине Клявине, Валде Шувцане, Лигите Бейтине и другим.

мя в университетах Тарту, Таллина, Риги, Хельсинки, Будапешта. Работают курсы ливского языка в Латвии, на курземском побережье в Колке, Мазирбе и Вентспилсе. Язык преподают и в детских летних лагерях в Мазирбе.

Ливский язык был зафиксирован письменно довольно поздно – в середине XIX в., экспедициями академика А.И. Шегрена (1840-50-е гг.), и Ф.И. Видемана (1880-е гг.). Отдельные ливские фразы встречаются и в гораздо более ранних письменных источниках¹.

Ливы жили на территории двух провинций Латвии – Видземе и Курземе. Язык видземских ливов не сохранился до нашего времени. В основе современного ливского письменного языка лежат восточные говоры курземского диалекта. На них еще в первой половине XX в. говорили в девяти посёлках побережья Курземе – Мелнсилс, Колка, Вайде, Саунагс, Питрагс, Кошрагс, Мазирбе, Сикрагс и Яунциемс. Языковеды выделяют ещё средний диалект в посёлке Лиелирбе и западный – в Пизе (Микельторнис) и Лужне.

Ливский язык наиболее близок эстонскому, но имеет множество балтских заимствований; однако и ливский язык оказал влияние на развитие латышского языка, как на уровне грамматики, так и лексики². Наибольшее воздействие ливский язык оказал на северокурземский – вентспилсский диалект латышского языка³.

Многие ливско-латышские взаимосвязи обнаруживаются и в песенном фольклоре. Например, чрезвычайно популярная латышская народная песня «Вей, ветерок», один из символов латышского национального возрождения, имеет ливское происхождение.

Важнейший этнокультурный символ народа – его этноним. Самоназвание, или эндоэтноним, нередко отличается от экзо-

этнонима – имени, данного народу его соседями. Известно, например, что современное самоназвание эстонцев – *eesti* – стало употребляться ими относительно недавно. Древние же эстонцы называли себя *maarahvas* – «люди земли», что сейчас воспринимается как поэтизм.

Что же такое «ливы» – экзоэтноним или эндоэтноним? На этот вопрос ответить не просто. Древнейший этноним этого народа, зафиксированный в русских летописях (встречается впервые в хронике Нестора XI в.) и средневековых немецких хрониках XI-XII вв. – *либь, любь, Livonian, Liven* – так называли этот народ немецкие христианские миссионеры, а их землю обозначили *Livland*, «земля ливов». Называли ли себя так сами представители этого народа? Точно мы этого не знаем. Во всяком случае, они различали себя как «даугавцев», «турайдцев» и т.д.

Этноним «ливы» не зафиксирован среди ливского населения Северной Курземе в XVIII-XIX вв. Вместо этого бытовали обозначения географические – *rāndalist*, т.е. «жители морского побережья», и профессиональные – *kalāmi'ed*, т.е. «рыбаки». Среди видземских ливов А.И. Шегрен в 1846 г. зафиксировал самоназвание *līb raust* – «ливские люди». С 1920-х гг. возрождается этноним *līvōd* – «ливы».

Язык, история и культура ливов в последнее время привлекают большое внимание языковедов, этнологов и антропологов Латвии. Ливские исследования получают поддержку научных фондов. Становятся доступными материалы по истории и этнографии ливов 1920-30-х гг., появляются новые публикации. В целом можно сказать, что культура ливов имеет не только прошлое, но и настоящее, и, хочется надеяться, будущее. Это – факт общественной и культурной жизни Латвии.

В древнейшей истории и этногенезе ливов еще много не вполне ясного. К началу XIII в. различные этнокультурные группы ливов проживали на побережье Балтийского моря, в приморской части современной провинции Латвии – Курземе, в бассейне реки Венты, и на территории провинции Видземе, преимущественно в западной части, до озера Буртниеку на севере и до Айкраукле на юге. Однако, возможно, отдельные группы, родственные ливам по языку и антропологическому типу были дисперсно расселены и на территории северной Латгале, и в южной Эстонии.

Первое краткое письменное свидетельство о ливах (*либь, любь*) мы находим в «Повести временных лет» Нестора (XI в.), более пространное – в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского (начало XIII в.)⁴. По этим свидетельствам и археологическим памятникам, ливы к XII-XIII вв. населяли преимущественно центральную часть Латвии – Видземе, и жили в бассейнах трёх рек – Даугавы (на правом берегу), Гауи и Салацы. Письменные источники и археологические памятники XIV в. свидетельствуют о том, что ливы жили и в приморских районах Курземе, и на левом берегу Даугавы⁵.

Как выявить в столь странных временных и фактологических конфигурациях собственно «ливов»? Для этого нужно прояснить много вопросов, и важнейшие из них – являются ли предки ливов древнейшими обитателями Восточной Прибалтики, как ливы связаны с появившимися тут народами, говорившими на балтских языках? Лингвисты, антропологи и археологи отвечают на эти вопросы по-разному. Ливы Видземе, согласно мнению Р. Гравере, антропологически близки финно-угорским народам северо-западной России (в частности, карелам), и возможно они пришли на территорию Латвии оттуда⁶. Согласно другим данным⁷, прибалтийско-финские

народы чрезвычайно сильно восприняли балтийский тип, то есть ливы – не пришлый для Латвии народ, он сложился именно здесь.

Антропологически и археологически выделить ливов на фоне балтов подчас сложно. Главный, нередко единственный признак, по которому можно отличить древний балтский памятник от ливского, это ориентация погребения. Ливы хоронили покойных головой на север, восточные балты – на запад или восток (западные балты преимущественно сжигали покойных).

Ливы были первым народом, с которым столкнулись немецкие купцы и христианские миссионеры в Прибалтике. Ливонией, то есть «землей ливов» они называли в конце XII-начале XIII в. район устья Даугавы, где жили даугавские ливы, и где происходили первые контакты. Позднее этот топоним значительно «расширился»: он был распространён на земли ливов бассейнов Гауи и Салацы, латгалов, куршей, земгалов, селов, частично эстов.

Предполагается, что в XII-XIII в. на территории Латвии проживало около 20 тысяч ливов⁸. Исходя из характеристики хозяйства, археологи и этнографы полагают, что в то время балты и ливы не слишком сильно отличались друг от друга. И те, и другие занимались земледелием и скотоводством. Однако возможно, что в I тыс. до н.э. соотношение у них между этими занятиями было разным: балты были преимущественно скотоводами, прибалтийские финны – преимущественно земледельцами. Те и другие занимались также бортничеством, собирательством, рыболовством и охотой.

Постепенно сложились две территориальные группы ливов – видземские и курземские. Их исторические судьбы складывались по-разному.

ЛИВЫ ВИДЗЕМЕ

На протяжении истории ливы, и, прежде всего, ливы Видземе (даугавские ливы – самая многочисленная группа в начале XIII в., а также ливы бассейна Гауи, областей Идумея и Метсеполе) постепенно сливались с окружающим их балтским населением. К концу XIX в. видземские ливы почти полностью растворились в окружающей их латышской среде. Собственно говоря, сведения об их исчезновении обнаруживаются уже с XVIII в. В 1769 г. рижский пастор Эсенс писал о Видземе: «В настоящем понимании ливов больше нет, так как крестьяне, которые живут в тех областях, где раньше обитали ливы, так смешаны с латышами, что их скорее можно назвать латышами, нежели ливами»⁹.

Правда, А.В.Гупель в 1774 г. писал, что около Салацы ещё жили ливы, говорившие на своём языке в домашнем обиходе, но не в школах, усадьбах или церквях. Он отмечает, что «из-за их языка и некоторых сохраняемых древних обычаев многие считают ливов колдунами»¹⁰.

До последней четверти XIX сохранялась немногочисленная группа видземских ливов в низовьях реки Салацы, в Светцёмской и Вецсалацкой волостях. Экспедиции А.И.Шегрена, работавшие в 1846 и 1852 гг., и Ф.И.Видемана 1858 г. зафиксировали, что в Видземе в районе Салацы оставалось только 22 человека (в основном, пожилых), говоривших по-ливски¹¹. Эти экспедиции поспособствовали последовавшему ливскому национально-культурному возрождению. Проявившийся в середине XIX в. интерес к языковому и культурному положению ливов был началом

многих этнокультурных процессов XX в. Не случайно время научной деятельности Шегрена и Видемана называют «первым ливским возрождением».

27 марта 1999 г. в Стайцеле открылся Салацкий областной ливский культурный и информационный центр и музей «Пиваалинд», изучающий и пропагандирующий ливское культурное наследие Северной Видземе¹².

ЛИВЫ КУРЗЕМЕ

Процесс слияния курземских ливов с латышами происходил гораздо медленнее. Хотя уже в 1630-е гг. курземский суперинтендант П.Эйнхорн почти не замечал этнической неоднородности местного населения, тем не менее, ливы в Курземе были. Они довольно изолированно проживали в рыбацких посёлках на отрезке от Овижи до Жоцене, медленно сливаясь с латышами. В отличие от ливов Северной и Западной Видземе, они сохранили свой язык и обычаи до наших дней.

Ливы Курземе поддерживали тесные контакты с эстонцами острова Сааремаа. В 50-е гг. XIX в. в северной Курземе проживало более двух тысяч ливов (согласно данным А.Шегрена – 2324, согласно ревизии 1850 г. – возможно, более точные сведения – 2180).

XX век принёс значительные изменения в жизни ливов Курземе. Во время первой мировой войны им пришлось покинуть взморье: там долгое время размещались немецкие войска, затем проходили военные действия, посёлки были сильно разрушены. После войны многие ливы не вернулись в родные места.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЛИВОВ В 1920-30-е гг.

Большой подъем в ливской культурной жизни принесло образование 2 апреля 1923 г. «Союза ливов» (лив. «Līvõd İt», лтш. «Līvu/Lībiešu savienība»). Инициаторами и активными участниками этого Союза стали крупнейший собиратель и знаток ливского фольклора, эстонский учёный Оскар Лоритс, финский языковед Л. Кеттунен, а также сами ливы, которых в то время насчитывалось около 850 человек. Среди них были выдающиеся люди, о жизни и творчестве которых сейчас появляются публикации¹³.

Еще задолго до создания «Союза ливов», в конце XIX в. появилась целая плеяда деятелей «первого ливского возрождения». Прежде всего, это семья поэтов, переводчиков, замечательных знатоков ливской культуры: Янис Принцис (Старший) (1796-1868) – служивший церковным причетником в Пизе (Микельторнис), и два его сына – Янис Принцис (Младший) (1821-1904) и Петерис Принцис (1831-1889)¹⁴, это Ника Палманис (1823-1903) – школьный учитель в Колке и Кошраге.

Первым руководителем «Союза» стал Карлис Сталте (1870-1947) – учитель, церковный причетник, органист, поэт и публицист. В 1933-1939 гг. он был редактором ливской ежемесячной газеты «Ливли». Другим выдающимся деятелем ливского движения был Петерис Дамбергс (1909-1987) – учитель, поэт, переводчик, редактор газеты «Ливли» в 1931-1933 гг. Он был одним из лучших знатоков и исследователей ливской культуры и языка, составил несколько хрестоматий и словарей по ливскому языку. Особенно значима его «Книга для чтения на родном языке в школе и дома» (Jemakīel lugdobrāntōz skūol ja kuod pierast), вышедшая в 1935 г. в Хельсинки¹⁵.

Следует назвать ещё многих замечательных людей, связанных с ливским возрождением первой трети XX в. Например, это единственный в 1920-30-е гг. на курземском побережье учитель ливского языка Мартыныш Лепсте. Было также много других людей, энтузиастов, подвижников, происходивших нередко из простых рыбацких семей, но ставших писателями и поэтами: Альфон Бертольд, Петерис и Янис Капберги.

До XX в. передача ливского языка от отцов к детям была относительно непрерывной. Последние семьи, в которых постоянно говорили по-ливски, существовали в 1930-е гг. В период первой Латвийской Республики ливский язык стал исчезать. В 1920-30-е гг. родители-ливцы перестали учить детей родному языку. В 1940-50-е гг. было ещё много пожилых людей, знавших и говоривших по-ливски, но уже не обучавших своих детей. В некоторых случаях дедушки и бабушки обучали языку внуков, а среднее поколение его не знало. Основной мотивацией потери языка была его «ненужность». Родители старались «не забивать детям голову», чтобы им потом было легче учиться в школе с латышским языком обучения. Например, Валда Шувцане (урожденная Блум, родившаяся в 1923 г. и старшая дочь в семье) ещё немного знает ливский язык с детства, а её братья и сёстры – нет. «Ливским языком я всё время владела на таком уровне, как примерно пятнадцатилетний подросток. В детстве ливский и латышский язык у меня были на одном уровне, потому что дедушка с бабушкой говорили по-ливски. Хотя молодёжь говорила уже по-латышски, ливский язык не исчезал. Когда я уехала в Ригу – всё, конечно! На языке (ливском) был по-

ставлен крест. Мне нужно было учиться по-латышски... Ливский язык больше не был нужен...»¹⁶

Однако в 1923-1939 гг., с образованием «Союза ливов», в некоторых школах на побережье ливский язык преподавался. Единственным учителем на пять школ был Мартыныш Лепсте. Он жил в Мазирбе и ездил на лошади в Колку, Саунагс, Лиелирбе и Пизе – на расстояние около 60 км. Однако, как свидетельствует Валда Шувцане, большинство его учеников не относилось с особым энтузиазмом к обучению ливскому языку.

Иногда возникала такая побочная мотивация нежелания обучать ливскому языку детей как сохранение за ним статуса «тайного языка», на котором разговаривают взрослые, и который не понимают дети. На ливском языке можно было легко обсудить темы не для детских ушей. Вот как об этом рассказывает Байба Дамберг, проводившая своё детство в 1960-х гг. в Колке и Сикраге:

«С дядей Петером (учителем Петером Дамбергом – прим. С.Р.) отец разговаривал по-ливски, также как с бабушкой и тётей Вилмой. Мы не знали, о чём они там разговаривают, и это было как нечто, само собой разумеющееся. Так же, как и все другие вещи в детстве... Иногда нам, детям, очень хотелось узнать этот язык – может быть и для того, чтобы другие ничего не понимали. Отец, будучи в хорошем настроении, читал смешные стишки и пояснял значения одного-другого слова... Но через какое-то время мы понимали: по-латышски объясняться гораздо удобнее. И отец мог вернуться в мир своих любимых книг»¹⁷.

В 1920-30-е гг. к ливской культуре проявили интерес учёные и культурная общественность Эстонии, Финляндии и Венгрии. В 1939 г. при поддержке правительств этих государств в поселке Мазирбе на кур-

земском побережье был создан «Ливский народный дом». Появились первые периодические издания (газета «Ливли», календари).

Однако вскоре вся эта деятельность была надолго остановлена. В 1940 г. был закрыт «Союз ливов». Трагически сказались массовые депортации жителей Латвии, организованные советской властью в июне 1941 г., марте 1949 г., ссылки 1940-50-х гг. В 1940-е гг. на курземском взморье и западной части Рижского залива был установлен режим западной пограничной зоны СССР. Вскоре здесь были размещены ракетные воинские части, эта территория стала закрытой для проживания и перемещения. Вследствие коллективизации рыболовецкого и сельского хозяйства были разрушены традиционные промыслы, земледелие и ремесла. Производство, сфера обслуживания, школы, вся инфраструктура хозяйства была сосредоточена в нескольких относительно крупных поселках и городах (Вентспилс, Колка, Роя). Стремительно исчезали маленькие поселки (Яунциемс, Лужня, Лиелирбе), катастрофически сокращались земледелие и приусадебное огородничество. Нарушилась компактность проживания ливов, сильно увеличилась доля смешанных браков, ливский язык почти совсем исчез из употребления.

Таким образом (и это отмечают латвийские этнологи¹⁸), в истории ливского побережья в 1940-1970-х гг. прослеживаются две тенденции: создание вокруг него запретных зон, «закрытие» для всякого проникновения извне, и размывание посёлков изнутри.

Ассимиляция ливов, возросшая в 1920-30-е гг., в годы советской власти многократно усилилась. Свой вклад в уничтожение ливского народа внесла и советская власть Латвийской ССР. Начиная с рубежа 1950-60-х гг. ливов перестали признавать

как особый народ; в графе «национальность» паспортов и других документов с тех пор не разрешалось писать «лив». Так, большинство ливов автоматически стало латышами. Если в конце XIX в. насчитывалось 2300 ливов, в 1935 г. – 844 (официально зарегистрированных), в 1943 г. их число уменьшилось до 455. Тем не менее, оставалась небольшая часть людей, осме-

ливавшихся публично называть себя ливами, что зафиксировано в документах переписей населения. В 1955 г. в Латвии было зафиксировано 185 ливов, в 1970 г. – всего 48. Эти показатели начали несколько расти с конца 1970-х гг. Решение о восстановлении фиксации этой национальности в паспорте было принято парламентом Латвии (Саймом) 23 мая 1996 г.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛИВОВ В 1980-90 гг.

Ливское национально-культурное возрождение добилось официального признания в конце 1980-х гг. 26 ноября 1988 г. была восстановлена закрытая в 1940 г. общественная организация «Союз ливов».

До 1994 г. старостой Союза ливов работала историк Иева Нейланд (родом из поселка Пизе, из ливской семьи Принцис). Её мать Эмма Эренштрейте была одной из идейных вдохновительниц ливского возрождения. В настоящее время председателем Союза является Алдис Эрманбрикс.

Первыми членами Союза в 1988 г. стали экономист Эдгар Силис, заместительница старосты И.Эренштрейте, секретарь С.Эренштрейте, руководители популярного в Латвии фольклорно-этнографического ансамбля «Скандиниеки» Дайнис и Хелми Сталты, инженер Илмарс Гейге. Активные деятели Союза – этнограф Ириса Приедите, художники Байба Дамберг и Андрей Шульц, музыкант Дзинтарс Клявиньш, фольклорист Мара Зирните, библиограф Тыну Карма, филологи Керсти Бойко, Зоя Силе.

Некоторый рост числа людей, признающих себя ливами, наблюдался с конца 1970-х гг. В переписи населения Латвии 1979 г. их было зарегистрировано 107, в

1989 г. – 135¹⁹. По данным Департамента миграций и гражданства, в январе 1995 г. зафиксировано 204 лива. Однако позднее численность ливов стала хотя и медленно, но неуклонно снижаться.

Как уже отмечалось, отдельные ливы живут в Риге (41 человек), Вентспилсе (47 человек), в районе Колки (менее 50 человек). В будущем формально зафиксированное число ливов может несколько возрасти (есть люди, которые пока из-за юридических сложностей не могут зафиксировать свою принадлежность к этому народу). Однако среди них очень много пожилых людей, смертность пока ещё выше рождаемости. Поэтому на февраль 1996 г. в Латвии было зафиксировано 199 ливов, на январь 1998 г. – 188, в 2000 г. – 175.

Большинство из них не знает или практически не знает ливского языка, хотя некоторые сейчас и учат его, будучи уже взрослыми. На сегодняшний день остались всего несколько человек, говорящих по-ливски с детства, те, кто унаследовал язык от родителей в семье. Это Эдгарс Рефенбергс и Эрне Ванага из Вентспилса, Викторс Бертхолдс из Лиепая, а также Эдгарс Валгамаа (проживающий в Финляндии), Силва Рудзитис (проживающая в США) и

Гризелде Кристине (проживающая в Канаде). Все они – большие энтузиасты, люди творческие и активные. О них, и главным образом о Паулине Клявине, ушедшей в сентябре 2001 г., бывшей лучшим знатоком ливского языка, создавшей в своём доме «Озолниеки» на побережье (в посёлке Вайда) небольшой музей, в 1995 г. финскими кинематографистами был снят видеофильм «Народ из десяти человек» (сценарий и комментарии Ханну Хитинен, оператор Кари Ахола).

Помимо официальной статистики существуют и «неофициальные» ливы – те, которые ещё не сумели документально доказать своё происхождение, или не стремятся это делать. Можно предположить, что в настоящее время их насчитывается от 300 (столько насчитал «Союз ливов») до 1000. Судьбы таких «неофициальных» ливов складывались по-разному.

Вот как об этом рассказывает Оярс Фрейбергс: «В 1946 г., в шестнадцать лет меня насильно превратили из лива в латыша; об этом свидетельствует запись в документах... Не случилось мне и учиться или работать с ливами, хотя – кто знает. Может быть, кто-нибудь из тех, с кем пересекались мои дороги, и был таким же «латышом», как я или мой брат. К сожалению, я этого не знаю... И я тоже лишний раз не гордился своим происхождением»²⁰.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АНСАМБЛИ

Важным в культурной жизни ливов стало возникновение в 1970-е гг. этнографических ансамблей. Фактически это были первые объединения, внутри которых началась широкая общественно-культурная деятельность ливов. В 1972 г. в Риге появился ансамбль «Ливлист» («Ливы»). Первая его руководительница Дзидра Клявина и участники – ливы, живущие в Риге и её окрестностях, тогда задались целью воскресить

певческие традиции этого народа. Собранный и освоенный ими материал огромен. В настоящее время ансамблем руководит дирижёр и композитор Ария Мауриня.

В Вентспилсе в 1977 г. ливка из поселка Сикраг Хильда Грива создала ансамбль «Кандла» («Гусли»).

В ансамбле «Ливлист», ставшем первым звеном в объединении многих активистов ливского движения, встретились Хелми и Дайнис Сталты – будущие руководители известной в Латвии фольклорно-этнографической группы «Скандиниеки», образовавшейся в 1976 г. Вот что рассказала мне Х. Сталте: «В 1976 г. мы с мужем создали Фольклорную дружину – Духовный Фронт. Мы живём этим всем. Ездим в экспедиции, собираем ценный материал, и сразу же стараемся «вернуть» его обратно – познакомить с ним наших слушателей и зрителей. Собираем и изучаем фольклор, обряды, танцы. Наше главное стремление – способствовать возрождению интереса к нашему богатому фольклорному наследию на местах. В 1977 г. у нас состоялось первое выступление в Риге. Сначала нас было 14-15 человек, потом – 20-30, доходило до 40. Участники часто менялись. Сейчас нас около 20 человек». Ансамбль «Скандиниеки» активно использует в своем творчестве ливские мелодии и тексты песен.

Дочь Дайниса и Хелми Сталте – Юлги Сталте, выпускница музыкального колледжа в Вильянди (Эстония), поет несколько песен на ливском языке в эстонском ансамбле «Tulli Lum» («Горячий снег»). Это интересный опыт создания новых ливских культурных текстов.

LIVÕD RÄNDA – БЕРЕГ ЛИВОВ

Большим достижением ливского движения было создание в 1991 г. Государственной особо охраняемой ливской историко-культурной территории «Берег ливов»

(лив. «Līvõd Rānda», лтш. «Lībiešu krasts»). Это стало второй официальной организацией ливов Латвии, после «Союза ливов».

Берег ливов – это узкая полоса земли, тянущаяся вдоль Рижского залива и открытого моря, от Гипки до Овиши. Частично он совпадает со Слитерским заповедником. От остальной территории Курземе берег отделён Синими горами, задерживающими основное количество морской влаги. Синие горы, отделяющие побережье, – один из этнокультурных символов для местных жителей, и одновременно граница обитаний ливов и латышей. Уйти с побережья, пересечь горы (būt pāri kalnam pļot) для ливов означало перейти в другой мир.

12 тыс. лет тому назад здесь было ледниковое озеро, позднее – море. Синие горы некогда были прибрежной полосой. Переправляясь через них, ясно видишь резкую грань между двумя типами ландшафта. Два крутых спуска вниз – и мы теперь едем по бывшему морскому дну. Подтверждают это и развалины старого маяка, находящегося сейчас на берегу в Колке; новый расположен в море, в 6 км от берега.

Дорога на побережье немного огибает высокую священную сосну. Говорят, чтобы её сохранить, во время прокладки дороги одна женщина забралась на это дерево и сидела там, пока дорогу не отклонили чуть в сторону.

Первые письменные сведения о проживавших здесь ливах относятся к XIV в. Тут сложился культурно-хозяйственный тип той части ливского народа, которая дожила до нашего времени. Известно, что в XVII в. в Сикраге строили парусные суда, выходили в море на лов рыбы, здесь размещались порт, склады, церковь, усадьба пастора. Сначала в Гипке, позднее в Мазирбе работала морская школа. Ещё в первой половине XX в., до второй мировой войны здесь

было 16 рыболовецких посёлков. По свидетельству очевидцев, в этих краях была довольно однородная ливская среда; до 1920–30-х гг. ливы предпочитали браки внутри своего народа.

Сейчас, после всех трагических для ливов событий, произошедших в ходе войны и советского хозяйствования, Берег ливов малозаселён. Некоторые посёлки практически совсем исчезли. Но не исчезла удивительная природа: местный пейзаж образован обросшими дюнами – бывшими морскими волнами (гребень дюны называется kangars, низина – viga; очевидно, эти слова пришли в латышский язык из ливского). Море, белые песчаные дюны, сосновые леса, необычайное множество можжевельников (среди которых есть и весьма редкие – «блюдообразные») составляют ландшафт прибрежной зоны. Как заметила Гундега Блумберг – редактор ливской культурной газеты «Ливли» и активный деятель ливского национально-культурного возрождения, нигде в северной Европе не увидишь такого множества птичьих стай, как летом в Колке. Кроме того, мыс Колка – единственное в Латвии место, где на берегу моря можно увидеть и восход, и заход солнца. Колка – место, где Рижский залив соединяется с Большим морем. Ветра там почти всегда дуют с моря (с запада), и видно, как волны, одновременно двигаясь с востока и запада, крестообразно ударяют друг о друга, налетая на песчаный мыс, который продолжается под водой ещё около трех километров.

Берег ливов – священная, благословенная земля для многих людей Латвии, связывающих себя с ливской культурой. «Парадоксально, но чем меньше родина, тем сильнее желание туда вернуться», – признаётся Валтс Эрнштрейтс, филолог, лив как по происхождению, так и по убеждению.

В сентябре 1998 г. я побывала в гостях у директора «Берега ливов» Эдгара Силиса и его жены, Зои Силе, преподавательницы ливского языка и знатока традиционного костюма. Они мне рассказали о возникновении и современном положении этой организации.

4 февраля 1991 г. Совет Министров Латвийской Республики образовал Государственную особо охраняемую историко-культурную территорию «Берег Ливов». Эта территория (около 28 тыс. га земли) – первоначально созданная при Совете народных депутатов Талсинского района – с 1995 г. находится в подчинении Министерства охраны среды и регионального развития Латвийской Республики, финансируется в рамках бюджета правительством²¹.

Земли «Берега ливов» административно входят в два района – Вентспилсский и Талсинский, и состоят из пяти округов – Роя, Колка, Дундага, Анце и Таргале. Последние сохранившиеся ливские посёлки – Мелнсилс (Mustānum), Колка (Kūolka), Вайда (Vaid), Саунагс (Sānag), Питрагс (Pitrōg), Кошпарс (Koštrōg), Мазирбе (Irē, Irai, Piški Īra), Сикпарс (Sīkrōg), Яунциемс (Ūžkilā), Лиелирбе (Īra), Микельторнис (бывший Пизе – Pizā), Лужня (Lūž). Здесь проживают около 1600 человек; однако многие, лишь формально прописаны тут, а фактически живут в Риге.

На «Берегу ливов» находятся и природные, и культурно-исторические ценности. Здесь претворяется в жизнь особая концепция хозяйствования и культурной организации. По словам директора «Берега ливов» Эдгара Силиса, в мире существует около двух тысяч такого рода охранных территорий. В них охрана природной и культурно-исторической среды сочетается с продолжением обитания. При этом в жизнь претворяется новая концепция за-

щиты и охраны среды – путём развития, а не консервирования. Частично они выполняют функции местного самоуправления.

Главная задача «Берега ливов» – сохранение особенностей образа жизни, хозяйствования, старых построек, языка, культуры, среды, а также способствование объединению ливов²². Безусловно, существует и стремление создать на побережье такие условия, чтобы люди возвращались сюда на постоянное жительство.

Первоначально «Берег ливов», будучи природоохранной зоной побережья, организовывал и финансово поддерживал восстановление хозяйственной деятельности, в особенности большое внимание уделялось развитию рыболовства и деревообработки. Однако в последнее время произошла некоторая переориентация: большую часть средств и усилий администрация направляет на культурное развитие. Восстановлены начальные школы в Мазирбе и Мелнсилсе, там проводятся занятия по ливскому языку. Организованы кружки по изучению ливского языка на Колке, в Мазирбе, Вентспилсе (в этом большая заслуга преподавательницы языка и исследовательницы народного костюма, человека трудолюбивого и увлечённого Зои Силе). Изучение ливского языка и обучение ему – одна из приоритетных сфер деятельности «Берега ливов».

Организуются и финансируются археологические и этнографические исследования на побережье. Чрезвычайно плодотворными представляются возобновлённые после исследований 1930-х гг. в 1993 г. раскопки в Анце, Пурциемсе и Гипке²³. Постоянно ведутся работы этнографов и краеведов – С.Цимерманиса, И.Приедите, Р.Блумберг. Начата работа по составлению атласа местных гидронимов и топонимов. Проводятся научные конференции и семи-

нары – в том числе международные, привлекающие внимание многих финноугроведов.

В Мазирбе устраиваются детские летние лагеря, в которых проходит обучение традициям и языку. В первое воскресенье августа в Мазирбе проходит ежегодный Праздник ливов.

«Берег ливов» имеет несколько регулярных изданий. С 1992 г. на латышском языке выходит ежемесячная газета «Ливли», редактором которой является Гундега Блумберг. Она же долгие годы была составителем и редактором выходящего с 1994 г. «Календаря ливов», в котором публикуются ценные этнографические и культурологические материалы, образцы современной ливской и латышской поэзии и прозы. Календарь прекрасно иллюстрируется художником-графиком и поэтессой ливского происхождения Байбой Дамберг.

Август – месяц, особенно богатый на ливские культурные события. В августе 1939 г. в Мазирбе при финансовой поддержке правительств Эстонии, Финляндии, Венгрии открылся Ливский народный дом. В честь того события в 1990 г. был учреждён Праздник ливов. Теперь его отмечают ежегодно в первую субботу и воскресенье августа. С 1992 г. в это время при школе-интернате в Мазирбе организуются работа летнего детского лагеря, куда съезжаются около 30-40 подростков. Директор «Берега ливов» Эдгарс Силис относится к этому мероприятию весьма серьёзно, считая, что именно в таком обучении заключается важнейший смысл их культурной работы.

Руководительницей первых двух лет работы лагеря, 1992 и 1993 гг., была Хелми Сталте. Она много усилий отдавала организации игр, танцев, проведению фольклорных обрядов и пению. Впоследствии Майя Валце большее внимание уделила лекционным и семинарским занятиям, изу-

чению исторического наследия ливов. Каждый год летний лагерь имеет свой визуальный символ и девиз. Например, в 1995 г. эмблемой стала двойная четырёхугольная звезда, «гимном» – стихотворение Карлиса Сталте «Piški ted» («Маленькая звезда»). Девиз звучал примерно так: «Лив, ты – маленькая звезда, тебе нужно светить, иначе нельзя!»

В 1995 г. здесь гостил знаменитый хор мальчиков Рижского Домского собора. Дирижёр хора Янис Эренштрейтс (он родом с ливского берега и считает себя «олатышенным ливом») принимает активное участие в ливской культурной жизни.

Праздник ливов начинается в последнюю субботу августа, утром, с богослужения в лютеранской церкви Мазирбе. Для этого приезжает пастор из Эстонии. Звучат проповеди на ливском языке. После официальной части наступает время творчества: дети обучаются ливским песням, танцам, музыке, знакомятся с традиционными играми, обычаями, учатся готовить и пробуют народные кушанья. Ближе к вечеру организовывается праздничный концерт, в котором участвуют как многочисленные приглашенные гости (ансамбли «Ливлист», «Скандиниеки», «Кандла», «Виим»), так и местные жители (духовой оркестр из Колки). Важной традицией стала прогулка к морю – «кладбищу кораблей», как его нередко называют ливы. Участники праздника приносят с собой венок, сплетённый из цветов и трав, и опускают его в воду в память о людях, оставшихся навечно в морской пучине («в материнском лоне моря»). Морские красота и величие для жителей побережья всегда соседствуют со священным трепетом, чувством опасности и печалью о погибших.

Последние суббота и воскресенье лета – время, когда нежно-сиреневыми пушистыми цветами цветёт вереск, возвещая о кон-

це тёплых дней и о приходе осени, – стало традиционным для проведения ливских дней в «Видземской Швейцарии», местах обитания гауйских ливов. Ливские дни празднуются в Турайдском музее-заповеднике по-разному: устраиваются научные конференции, организуются концерты, проводятся обряды поминовения, актуализируется культурная память о прошлом этого края. Например, 29-30 августа 1998 г. тут прошла научная конференция – «Гауйские ливы в культурной истории Латвии – проблемы заселённости». Термин «заселённость» (*apdzīvotība*) рассматривался в трёх составных частях: население, обжитые места и вся окружающая среда.

ЦЕНТР ЛИВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1994 г. в Риге начал работать *Центр ливской культуры* (*Līvõ kultūr sidām*), самостоятельная общественная организация, создавшая здоровую конкуренцию «Союзу ливов». Его образовала небольшая мобильная группа людей. Одним из инициаторов и первым руководителем стал молодой талантливый лингвист, поэт, переводчик и график, выпускник Тартуского университета Валтс Эрнштрейтс. С 1997 г. работой Центра руководит Гундега Блумберг.

Центр ливской культуры развернул активную деятельность, на его счету немало заслуг в области ливского культурного движения.

В конце 1994 г. при Центре возник ливский молодёжный ансамбль «*Виим*» («Дождь»). В октябре 1994 г. начал выходить информационный бюллетень на ливском языке «*Ыва*» («Поток»).

Первым крупным проектом Центра была первая художественная выставка ливского изобразительного искусства в 1994 г.,

которая экспонировалась в Мазирбе, Вентспилсе и Таллинне, а позднее и в Риге.

В 1998 г. Центр ливской культуры издал первый ливский поэтический сборник «Я хитрее тебя, треска!», куда вошли стихотворения ливских поэтов, начиная с Яниса Принциса старшего (1796-1868) и заканчивая современным творчеством молодых поэтов Улдиса Краста, Байбы Дамберг, Валта Эрнштрейта. Фактически, это первая изданная в Латвии художественная книга на ливском (с параллельными латышскими текстами) языке. В 1999 г. центром ливской культуры был издан первый латышско-ливский и ливско-латышский словарь, подготовленный В. Эрнштрейтсом.

В сентябре 1998 г. в Риге на Доме журналистов были вывешены сине-белозелёные ливские флаги, знакомые не каждому жителю Латвии. 11-12 сентября здесь состоялись Дни ливской культуры, организованные Центром ливской культуры. Были открыты фотовыставки – «Ливский берег» автора Дайниса Карклувалка, коллективная выставка «Здесь мой дом». Прошли выставка графика Байбы Дамберг – «Третье семя», выставка профессионального живописного искусства ливов XIX-XX вв. 11 сентября были проведены научные чтения «Ливы и Рига» (на которых выступили археолог Андрис Цауне, антрополог Раиса Денисова, этнограф Саулведис Ци-мерманис, экономист Эдгарс Силис, языковеды Керсти Бойко и Зоя Силе, историк Иева Нейланд и этнограф Рената Блумберг, ученые и энтузиасты, занимающиеся историей и культурой ливов).

По инициативе Центра ливской культуры в 1999 г. была подготовлена программа национально-культурного развития «Ливы Латвии» (см. приложение ниже).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СИМВОЛЫ ЛИВОВ

С двумя языками я родилась.
 Отцу трудно было что-то возразить,
 Когда в школе я отлично научилась
 Данный матерью латышский язык
 Склонять по-русски, по-немецки
 И на диалекте.
 Пока на подаренным отцом языке
 По-ливски звенели кладбища,
 Поздно проснулись уши
 По-ливски говорить с песками
 С шествующими облаками,

Ракушками,
 Камнями в морской пучине,
 С можжевельниками в сёлах усопших.
 Прости же, море,
 И держись, море,
 Господа кости бросают.
 И не дай, Боже,
 Ещё тот второй язык
 На кладбищенский колокол
 Повесить.
(Байба Дамберг, перевод с латышского).

Ливы до XX в. сохраняли некоторые культурные черты, выделяющие их на общем фоне народов Латвии. Эти черты проявляются как материально – в культуре производства и жизнеобеспечения, так и в области восприятия, ощущений, догадок. Отличаются от латышских ливские традиции жилища, пищи, одежды. Имеется этническая специфика в представлении о ливском характере, в поверьях, бытующих среди населения приморской Курземе, в некоторой степени – в представлениях о пространстве и окружающей среде.

С конца XIX в. развивается профессиональное искусство ливов. В 1920-30-е гг. живописные произведения и стихи начали обретать этническую специфику. В еще большей степени этот процесс проявился в 1980-90-е гг., например, в творчестве художницы Байбы Дамберг.

Периоды национально-культурного возрождения в XX в. стали важными этапами в поиске, фиксации, подчас – изобретении и канонизации ливских символов. Некоторые из этих символов имеют материальное воплощение – такие, как ливский флаг, ливский этнографический костюм, предметы, связанные с рыболовецким хозяйством на морском побережье Курземе.

Другие символы материального воплощения не имеют. Проблема «ливскости» обсуждается в латвийской печати. Она дает

пищу для размышления не только о собственно ливах и их жизни, но и о тех функциях, которые «ливскость» начинает выполнять в современном латвийском обществе. Не последнее место среди них – роль «инаковости». В латвийском обществе формируется ливская идентичность. Этот процесс, конечно, весьма ограничен небольшим кругом заинтересованных людей, большинство которых ведет свое происхождение от ливов. Но образ своей «малой родины» притягивает и людей, первоначально не связанных с ливской территорией и ливскими семьями. О том, как происходит «внутренняя культурная эмиграция» в Латвии, ещё в 1994 г. Валтс Эрнштрейтс рассказывал в рубрике «Ливское» в газете «Литература и искусство»:

«Жить со своим ливским самосознанием – это и легко, и странно. Ты знаешь, что тебе принадлежит то, что не принадлежит никому. У тебя есть своя профессия – быть ливом. Это миссия, которую выполняет всякий человек, осознавший себя ливом. Ливом не рождаются. Ливом можно только стать – когда ты понял, кем ты родился. Жить ливом – странно. Это вечная эмиграция, где бы ты ни находился. Лив в Риге – это такой же феномен, как и лив в Нью-Йорке... А в сущности – это так хорошо осознавать, что ты думаешь иначе, чем другие люди вокруг тебя»²⁴.

Ливское движение – это не только формальные организации и объединения, но и неформальное сообщество творческих людей – поэтов, писателей, художников, музыкантов, ученых – энтузиастов, заинтересованных в изучении, сохранении и актуализации культурного наследия этого немногочисленного народа.

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ЦВЕТАМИ ЛИВСКОГО ФЛАГА?

Путешественники,двигающиеся по шоссе Дундага-Мазирбе, обычно останавливаются на обочине перед въездом на территорию «Берега ливов» и Слитерский заповедник и поднимаются вверх на смотровую башню, расположенную на склонах холмов Синих гор, которые отделяют ливское побережье от остальной части Латвии.

Человеку, посмотревшему окрест, воочию предстаёт как будто бы расстеленный на земле флаг ливов. Синий цвет – виднеющееся вдалеке море, белый – прибрежная полоса песчаных дюн, зелёный – простирающиеся за дюнами леса.

В XIX в. ливский патриот Ника Полманис одевался в синевато-серый народный костюм, и подпоясывался трёхцветным (сине-бело-зелёным) тканым поясом. Шляпу он опоясывал такой же трёхцветной лентой. При этом за поясом он носил топорик как символ борьбы за этническую независимость²⁵. Известно, что венок ливской невесты украшался сзади свисающими лентами в следующем порядке: слева три синие, посередине две белые или жёлтые, справа три зелёные²⁶.

Подобное цветовое сочетание легло в основу цветового решения ливского флага, созданного в начале 1920-х гг. Его автором считается Мартыныш Галниекс. По свидетельству исследователя истории и культуры ливов Андрея Шульца, он был одним из самых хорошо и разносторонне образованных ливов, талантливый, отзывчивый и

трудолюбивый. В 1920 г. он был одним из организаторов рыболовецкого общества ливов «Ранда», активно участвовал в «Союзе ливов».

М. Галниекс собирал сведения о культурных символах ливов, в частности – символике цветов, в результате чего и сконструировал флаг. Его формальная структура повторяла государственный флаг Латвии: размер 1:2, полотно из пяти горизонтальных полос. Но цветовая гамма было «ливской»: две нижние полосы светло-зелёные, одна средняя белая и две верхние – синие. Это был флаг рыболовецкого общества западной части побережья «Ранда». Фактически же его использовало и другое рыболовецкое общество восточной части побережья – «Зивс» в Мазирбе, только перевернув синим цветом вниз. Автор такого варианта флага – Дидрикус Волганскис из Кошрага. В 1923 г. разгорелся спор о том, какой же из вариантов флага следует считать более «правильным». Большинство – жители восточной части побережья, – проголосовали за второй. Ещё в ходе спора Д.Волганскис успел сообщить об идее создания ливского флага эстонцам, и те прислали в дар изготовленный в Тарту трехцветный флаг. Правда, размеры флага были взяты по образцу эстонского – 7:11. Современный флаг ливов примирил спрощенных тех лет. Из варианта М. Галниекса были взяты размеры, из варианта Д.Волганскиса – последовательность цветов²⁷. Этот флаг является официальным символом «Берега ливов», ливской общины Латвии.

Так, песок, вода и зелень растений, важнейшие природные элементы местного ландшафта, обрели также символическое измерение в культуре ливов. Интересно, что во время культурного визита ливов в 1991 г. в Республику Коми члены делегации были приятно удивлены, встретив там

флаг, состоящий из полос тех же цветов. Интерпретация символики красок здесь такова: синий означает здесь реки, белый – снег, зелёный – тайгу.

Сочетание же песка и воды – это древняя мифопоэтическая модель природной стихии Риги и Северной Курземе. В фольклоре и народных верованиях они связаны с духами, способными разрушить мир. Третий компонент – дерево, растительность – в настоящее время тоже активно вошел в природно-культурную среду «Берега ливов». Деревья принесли сюда люди, с целью остановить движение песков, «облесая» дюны, высаживая на них сосны и выносливые кустарники.

ЛИВЫ – НАРОД РЫБАКОВ

В Гипке, Жоцене, Вайде и других местах курземского побережья жители делили себя на «рыбаков», или «жителей побережья» (лив. *gāndalist*, лтш. *jūrmalnieki*) – собственно говоря, ливов, – и «земледельцев», «пахарей» (лтш. *laucinieki, aģāji*) – латышей. Места их обитания тоже делились: «рыбаки» жили в «приморской» или «морской части» (лтш. *jūras puse*), земледельцы – в «земельной» (лтш. *zemes puse*).

Вот что рассказывает Паулина Клявиня: «У этих рыбаков такая осанка была, совсем иная, чем у тех крестьян. И девушки крестьян часто засматривались на рыбаков. Мне рассказали такой случай, что один парень из рыбаков Мазирбе был на свадьбе в Видале. Ночью там девушки говорили друг другу: ты потрогай одежду, у кого будет тонкая ткань – те рыбаки, потому что у них покупная ткань... У них были такие красивые костюмы... Парней рыбаков ценили совсем по-особому»²⁸.

Море, рыба, рыбная ловля, зимняя охота на тюленей, рыболовецкие принадлежности и утварь (в частности, *реч* – большая корзина-рюкзак, в которой носили на спине рыбу), лодки, уникальная коптильня для

рыбы в одном из хозяйств Мазирбе, сделанная из старой лодки – всё это не просто перечень окружающих вещей и занятий. Это «алфавит» рыбацкой ливской культуры Северной Курземе, каждый элемент которого является одновременно и местом приложения сил, и источником пищи, богатства, и духовным символом.

Этнограф С. Цимерманис называет представление о ливах, как о рыбаках, легендой середины XVIII в.; он подчёркивает, что хозяйственные занятия ливов всегда были предопределены внешними обстоятельствами. Действительно, финно-угорские народы имеют различные хозяйственно-культурные типы, сложившиеся в связи с конкретной средой обитания. Однако с каждым народом в ходе истории связывается целый комплекс внутренних и внешних представлений, стереотипов и образов. Так, за всяким народом символически «закрепляется» его преимущественное (или одно из ведущих) занятие. Не случайно среди этнонимов ливов имеются и такие обозначения, как «люди побережья», «рыбаки».

Рыбный промысел действительно составлял основную долю хозяйства ливов побережья Курземе.

Рыба, которую промыслили местные жители, – это салака, лосось, сёмга, камбала, бельдюга, килька, камбала, в меньшем объёме треска.

Треска, треска, рыба-треска,
Смелее же бери мою приманку!
Вот она уже повисла на крюке,
Но всё ещё кусается!
Тебе, треска, всё же не заметить,
Как я смогу тебя обмануть.
Бог дал тебе большую голову,
Но я хитрее тебя!
(Ули Кинкамег, перевод с ливского).

Мужской и женский труд разделялся очень чётко: мужчины ходили в море, женщины занимались рыбой на берегу (вытаскивали её из сетей, солили). Большинство ливских песен и поверий связано с рыбами и птицами.

О ЛИВСКОМ ХАРАКТЕРЕ

Определенные этнокультурные стереотипы и образы сложились в Латвии в отношении ливского характера. Самостоятельность, гордость, упорство – этими качествами часто характеризуют в Латвии жителей Северной Курземе. Показательный пример поведения ливов записал корреспондент одной газеты: «Но мы злы и упрямы, – предупредили нас ливы. – Вот как правильно пишет наш современник-поэт – Упала корзинка с цветами. Так затопчу же я её ногой. Ну и что, что красивая?... Нечего падать». «А мой дед, помнится, как-то возвращался домой на телеге. Яблоня упёрлась в ось колеса и мешала ему проехать. Но настоящий лив ведь не может признать, что он не прав! Хлещет лошадь, а яблоня не поддаётся. Тогда он сходил за пилой и покончил с этим вредным деревом, хоть все соседи смеялись»²⁹.

Упрямство ливов, как считают многие их соседи, проявляется во всём. Даже попадая впросак, они не отступают. Это представление о ливах закреплено во множестве анекдотов. «Раньше всё было больше и лучше, даже пчёлы. – Как так? – удивляется Зоя Силе, – я же видела старые ульи, там такие же маленькие дырочки. Как большая пчела могла влететь в такую дырочку? – С большим усилием!»³⁰

ЖИЛИЩА ЛИВОВ

Ливы – рыбаки побережья Курземе жили преимущественно в поселках. До начала XX в. в рыбацких посёлках сохранялись старые большие хозяйства. В то время как основное сельское население Латвии жило в хуторах или деревнях (у латышей – с чётко очерченными границами семейных хозяйств – лтш. *sēta*), ливы селились по несколько семей в больших домах (*ērbikis*). В одном доме проживало по 10-30 человек, иногда даже больше. Как правило, в семьях было много детей. Типичны дома с од-

ной большой жилой комнатой (*sur tubā*), где каждой семье выделялся угол с кроватью, являвшейся центром каждого маленького домашнего мира. Иногда дом строили «на два конца»: в южной части жила семья хозяина, северную населяли нанятые работники, бобыли. Выделение отдельных комнат (обычно две, три или четыре) началось в основном со второй половины XIX в.³¹

С. Цимерманис приводит данные, свидетельствующие о высокой смертности среди ливского населения; безусловно, свою роль в этом играли скученные условия жизни, способствовавшие быстрому распространению лёгочных болезней, эпидемий. Другой причиной была гибель людей в море – особенно мужчин. Процент такой смертности был высок – более 9%³².

ПИЩА ЛИВОВ

Рыба занимала значительную часть в пищевом рационе ливов Курземе. Однако еще в первой половине XX в. хозяйство ливов было комплексным: здесь разводили коров, овец, свиней, птицу. Многие выращивали морковь, картофель и лук. Зерновые культуры – ячмень и рожь – бывали не у всех и не во всякий год; рыбу обменивали на зерно у земледельцев-латышей. Употреблялись в пищу грибы, лесные ягоды, мясо домашней птицы.

Вот как об особенностях пищевого рациона ливов рассказывают Паулина Клявина и Валда Шувцане.

«6 января – какой там праздник бывал, не знаю (День Звезд – прим. С.Р.), готовили нечто особенное. Варили голову свиньи, отжимали жирный бульон. Его смешивали с ржаной мукой, добавляли тмин. Раскатывали тесто. Детям давали вырезать на нём фигурки – рыбки, ёлочки. Ставили в печь и пекли до коричневого цвета. Затем опять клали в бульон и варили. Когда ели – добавляли сметану. Ели это блюдо горячим, в течение двух-трех дней. Называлось оно

свидини. На свадьбе ели несколько блюд. Первое блюдо – куриный бульон с рисом и домашней лапшой. Второе – жаркое из свинины, салаты, варенье из брусники, кислая капуста. Третье блюдо – *буберт* (из манной крупы, яиц и воды) и клюквенный мёд (клюквенный сок смешивали с картофельным крахмалом и остужали). Кстати, то же самое готовили на похоронах»³³.

«У ливов в домашней кулинарии были свои блюда, особенно рыбные. Например, знаменитые курземские *скландрауши*. Они очень похожи на карельские пироги. Замешивали крутое тесто из ржаной муки, воды и соли. Раскатывали в кружок, залепляли края зигзагообразно. Наполняли морковной начинкой, смешанной иногда с картофелем, творогом.

Основной ассортимент – рыба, картофель, молоко, приправляли луком. Любили сварить *пришшу* – только что принесённую из моря рыбу»³⁴.

Скландрауши – лепёшки с овощным наполнителем, действительно, можно считать одним из символов кухни ливов. Их название происходит от латышского *скланда* – «жердь», «частвокол, жердяная изгородь». Согласно народной этимологии, они получили своё название оттого, что готовые лепёшки выкладывали сушиться на жерди изгородей. Однако более правдоподобным представляется то, что их зигзагообразно загнутые края напоминают жердевую изгородь. Скландрауши готовят из крутого теста, замешанного на основе ячменной или ржаной муки. Делают круглые лепёшки, на которые кладут второй слой теста, менее крутого, замешанного на молоке, сметане и со взбитыми яйцами. Приподнимают края, и наполняют начинкой из моркови, картофеля, иногда с салом, или сладкими ягодами. Получаются открытые пирожки, похожие на ватрушки.

Известны курьезные случаи «изобретения традиции» ливов. Об одном из них, связанном с этнографией пищи, а именно – «фаршированном луке» (*pildītie sīpoli*) мне рассказала Гундега Блумберг.

«Однажды большая компания людей, связанных с ливским движением, была в ресторане. В меню мы с Валтом Эрнштрейтом увидели – «фаршированный лук», и ради шутки воскликнули: «да, вот это истинное ливское национальное блюдо! Такое раньше делали на побережье». Тут все стали заказывать это блюдо, а мы принялись сочинять истории о том, как бабушки выращивали крупные такие луковицы и чем они их начиняли – мелко резаной рыбой, мясом, овощами... Когда блюдо принесли, и мы начали есть, то не преминули заметить, что качество его не весьма высокое, что повара должны были пригласить кого-нибудь из старых ливов, и научиться готовить правильно! Хотя в действительности такого блюда не было, оно вполне могло бы быть: лук выращивали на побережье в изобилии, имелись и остальные возможные ингредиенты. Каково же было мое удивление, когда спустя несколько месяцев до меня дошли сведения о «фаршированном луке» как «истинном ливском национальном блюде»! Если Вы услышите об этом, то знайте, что этот этнокультурный символ имеет точную дату, авторов и место происхождения!»³⁵

ПОВЕРЬЯ

Море. Множество поверий и обычаев связано у ливов – рыбаков с морем. Они касаются как обыденной повседневности людей, живущих на берегу, так и рыбной ловли. Перед выходом в море рыбаки совершали жертвоприношение около большого дерева, брали с собой в путь льняной мешочек с горстью земли. Провожая, им желали: «чтобы ты вернулся, как солнце

возвращается», ведь уход в море представлялся как путешествие в ночь или смерть.

Особые традиции были связаны с морскими сундуками, в которых моряки хранили свои личные вещи, и в которых обязательно находились водка и деньги. Такие сундуки в море служили одновременно кроватями, на них спали. Нередко на их железных ручках выковывали священные знаки (например, знак солнца).

Ирма Фридрихсоне рассказала о древнем ливском поверье, согласно которому в море запрещали купаться, пока вдоль побережья не появлялись жёлтые цветы. Это происходит обычно в конце мая – начале июня: белые, жёлтые и красные цветки сосны опадают, и ветер относит их в воду. Ливы говорят, что «сосна даёт морю здоровье», укрепляет человеческий дух, поддерживает выносливость. В это время люди собирают цветы сосны, делают с ними ножные ванны³⁶.

С морем связано и знаменитое ливское предание о синей корове. В древние времена вплоть до морского побережья простирались не сосны и песчаные дюны, а лиственные деревья и сочная трава. Предание гласит, что однажды, как раз в то время, когда морские девушки вели пастись синих морских коров, к морю вышла одна старушка. Когда морские девушки стали зазывать коров назад в море, то одна из них не пошла, осталась на берегу. Старушка привела её домой и поставила в хлев. Молока корова давала хоть и не очень

много, но очень хорошего качества. Синими называли серо-синих по окрасу коров, которые известны и на Русском Севере, и в Мордовии.

Ветер – одна из морских стихий, играющая в рыбацком промысле важную роль. В языке ливов имеются названия ветров, точно совпадающие с названиями стран света – основными и промежуточными. В древней ливской мифологии ветер был персонифицирован, его до определенной степени обожествляли. Ливы верили, что именно ветер способствует появлению рыбных стай, но он же является причиной морских бурь и гибели рыбаков. Таким образом, ветер в ливской культуре связан как с пищей, так и со смертью.

Ветер на курземском побережье чаще всего дует с запада вдоль берега. Когда я была на «Берегу ливов», ветер был необычным – дул с востока. Сопровождающая меня Зоя Силе заметила, что о таком ветре говорят: «он сдувает рыбу с тарелки вон» (*pūš zivis no bļoda ārā*), то есть не только отгоняет рыбу от берега, но и словно бы сдувает ту, которая уже поймана и лежит на тарелке.

У ливов имелись заговоры против слишком сильного ветра. Рыбаки соблюдали определенные предписания и запреты: например, чтобы не привлечь штормовой ветер, в море запрещалось свистеть, если рыбаков заставал в море сильный ветер, они начинали скрестить ногтями мачту и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Есть народы, существование которых в историческом пространстве подобно движению кометы. Они возникают в отдалённом прошлом, исчезают и внезапно появляются опять.

Судьба ливского народа – яркий тому пример. Создаётся впечатление, что ливы имеют несколько не очень-то совпадающих друг с другом «историй». Они по-разному раскрываются с помощью архео-

логических, антропологических, лингвистических, этнографических исследований. Или же – наоборот: данные языка, археологии, этнографии вырисовывают в каждый исторический период конфигурации различных фигур, словно разных «ливских народов». Сам же объект исследования в случае с ливами постоянно исчезает, ускользает из глаз наблюдателя.

Народы возникают, исчезают и появляются вновь. Иногда их существование в истории и даже в современности кажется иллюзорным. Но, как заметил Н.М. Карамзин, «народы не падают с неба, и не скрываются в землю как мертвецы по сказкам суеверия».

По какой же причине возникает, до какой поры сохраняется тот или иной народ? На этот вопрос можно дать разные ответы. Среди них возможен и такой: народ живет до тех пор, пока это кому-то нужно, причём носителями его культурного достояния могут быть не только его непосредственные генетические потомки. Примером тому является опыт возрождения ливского народа.

К настоящему времени стало очевидным, что эпоха ливского этнокультурного возрождения 1990-х гг. завершилась. Это был период довольно яркого творческого всплеска, воссоздания старых и формирования новых ливских культурных организаций, время инициатив и надежд. Возникли некоторые проблемы: например, создались стереотипы, что все ливы живут «там, в Курземе», что ливы – или особый экзотический народ, или этнографическая группа, мало чем отличающаяся от латышей. Часто серьезно обсуждаются и выносятся на первый план мелкие вопросы (например, следует ли называть ливов по-латышски *lībieši* или *līvi*). Ливское же наследие Латвии должно было бы стать хорошей основой, возможностью для

латышей познать самих себя, глубже исследовать прибалтийско-финские элементы в своей культуре, языке, этнической психологии.

Гундега Блумберг с сожалением заметила, что мечта, существовавшая еще в 1998 г., о том, что ливы могут возродиться, сегодня уже закончилась. Со смертью Паулины Клявини в сентябре 2001 г. ушла в вечность эпоха последнего поколения ливов.

Конечно, слишком многого уже не вернуть; практически прервалась непосредственная трансляция языка и образа жизни, обычаев ливов. Однако, наблюдая процессы, связанные с изучением, восприятием, осмыслением ливского наследия в латвийском обществе 1990-х гг., приходишь к выводу: ливская культура не уйдет бесследно. Хотя и на других уже основаниях, она будет жить в XXI веке.

Свидетельством тому может быть Государственная долгосрочная целевая программа «Ливы Латвии», разработанная инициативной группой и принятая Кабинетом министров Латвии в 1999 г. (см. в приложении ниже). К сожалению, реализация программы задерживается, в связи с отсутствием финансирования и точного механизма реализации. В предложениях, выдвинутых Гундегой Блумберг и Валтом Эрнштрейтом Кабинету министров в 2001 г., делается акцент на 6 части действия программы – «Общественные отношения». Приоритетным в настоящее время, как они считают, является просвещение общества Латвии, подготовка благоприятной атмосферы, информирование широкой аудитории о состоянии проблем ливов и о концепции настоящей программы. Все еще делается определенная ставка на создание в Латвии Ливского института как государственного учреждения, механизма реализации программы «Ливы Латвии»³⁷.

Насколько удастся реализовать программу «Ливы Латвии», и каковым будет дальнейший вектор развития ливского движения в Латвии – это будет понятно в ближайшее время. Обнадёживающе звучат слова лингвиста и знатока ливского языка

и духовной культуры Тыну Карма: «Всякий, кто ходит по этой земле, ответственен за неё». Ответственность за историческое и культурное наследие ливов чувствуют сейчас и многие люди неливского происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая письменно зафиксированная в истории ливская фраза обнаружена в памятнике XIII в. «Хроника Ливонии»: *magā magamas, «iacebis hic in eternum»*. В другом памятнике – акте 1300 г. – появляются ливские слова *vīcten* – «коса» и *wepa* – «разукрашенное покрывало» или «женская накидка».

² Ливского происхождения, например, латышские слова *vajag* («нужно»), *sēne* («гриб»), *māja* («дом»), *puķe* («цветок»), *puika* («мальчик»), *laiva* («лодка»), *kuģis* («корабль»).

³ В ливском языке и в тамниекском (вентспилсском) диалекте латышского языка нет разделения по родам, нет будущего времени. В системе числительных можно обнаружить следы семиричной системы исчислений. В ливском языке числа от одного до семи имеют самостоятельные лексемы, но «восемь» – «без двух десять», «девять» – «без одного десять».

⁴ *Zariņa A. Lībiešu apģērbs 10.-13.gs. Rīga, 1988; Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л., 1938; Indriķa hronika. Ā.Feldhūna tulk., Ē. Mugurēviča priekšv. un koment. Rīga, 1993.*

⁵ *Graudonis J. Lībieši Latvijā // LZAV A 1998. 52.sēj., 3 (596) nr., 14.lpp.*

⁶ *Grāvere R. Lībieši antropoloģiskajā aspektā // Par lībiešiem. Par lībiešu vēsturi, kultūru un situāciju mūsdienās. Atb.I. Neilanle. Rīga, 1989. 9-13.lpp.*

⁷ Полученным в результате исследования состава и показателей крови и др., о которых доложила Р. Денисова на Чтениях «Ливы и Рига» 11-12 сентября 1998 г.

⁸ *Mugurēvičs Ē. Komentāri // Indriķa hronika. Ā. Feldhūna tulk., Ē. Mugurēviča priekšv. un koment. Rīga, 1993. 335.lpp.*

⁹ Цит. по: *Sjögren A.J. Bericht über eine im Auftrage der Russischen geographischen Gesellschaft während der Sommermonate des Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommene*

- Reise zur genauen Untersuchung der Reste der Liwen und Krewingen // Denkschriften der Russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Weimar, 1849. Bd. I. St. 16. S. 475.
- ¹⁰ *Hupel A.W.* Topographische Nachrichten von Lief- und Ebstland. Riga, 1777. Bd. 2. S. 183, 187.
- ¹¹ *Sjögren A.J.* Bericht über eine im Auftrage der Russischen geographischen Gesellschaft während der Sommermonate des Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommene Reise zur genauen Untersuchung der Reste der Liwen und Krewingen // Denkschriften der Russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Weimar, 1849. Bd. I. St. 16. S. 368; ср. также Видеман Ф.И. Обзор прежней судьбы и нынешнего состояния ливов. СПб, 1870; *Ванага Л.* Первые этнографические экспедиции в Латвии: Изучение ливов и крисвиней // LZAV A 1992. II. nr., 40-45. lpp.
- ¹² *Anita Strokša.* Par saknēm un galotnēm // Latvijas Vēstnesis. N. 81. 2001. 25. maijs. 20. lpp.
- ¹³ Ma akūb sīnda vizzō, tūrka! Līvō lūolkub. Es viltīgāks par tevi, menca! Lībiešu dzejas izlase. Sast. V. Ernštreits. /Rīgō, Līvō Kultūr Sidām, 1998.- 6. lpp.
- ¹⁴ *Neilande I.* Par Jāni Princī, Senioru, un viņa dēla Jāņa dzimtu kā lībiešu kultūras un sabiedriskā darba turpinātāju // LZAV A 1998. 52. sēj., 3 (596) nr., 73-78. lpp.
- В 1945 г. в Митаве (Елгаве) вышла их книга «Священные песни и молитвы моряков» (второй в латышской литературе сборник профессиональной поэзии), а в 1863 г. в Лондоне – перевод евангелия от Матфея на западноливский диалект. Это была первая печатная книга на ливском языке. Янис Принцис Старший собрал материалы для первого латышско-ливского словаря. Многие его статьи публиковались в «Петербургас Авизес» – газете, выходившей в Петербурге на латышском языке. Семья Принцисов стала одним из важнейших источников информации о ливском языке и культуре для академика А.И.Шегрена во время его экспедиции в Северную Курземе в 1852 г.
- ¹⁵ *Zirnīte M.* Pētera Damberga nemirstīgais vārds // Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, 1997. 39-45. lpp. Правда, с ней вышел казус: вскоре после выхода она была запрещена для использования в морской школе на побережье, и запрет действовал вплоть до 1939 г., когда её дополнили текстом гимна Латвии. Сам составитель вот как объяснял причину этого странного на первый взгляд обстоятельства. «Там был такой разговор, сын спрашивает отца: “Что такое родина, что такое отчизна?” – “Отчизна – все наши дома. У меня маленький дом, но я люблю его больше, чем все другие на свете. Отчизну никогда нельзя забывать”. И тогда мальчик спрашивает: “А где же эта отчизна?” Отец отвечает: “Это всё, что ты видишь. Вот, я поднимаюсь повыше на лестницу, и увижу ещё дальше”. “И там – отчизна?” “Да, там тоже. Отчизна – она и за лесом, и ещё дальше”. Так вот, это было нехорошо, что я как будто бы хотел присвоить себе всю Латвию. Я как бы горил, что моя отчизна – не только моё побережье, но и дальше, за лесом. Не знаю, это ли было серьёзной причиной. Заключение было таково: книга не разрешается для использования в школах Латвии, из-за характера, полностью противоположного жизни и идеям Латвии».
- ¹⁶ Из интервью с Валдой Шувцане 5.10.1998 (Рига). Здесь и далее – запись автора статьи.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Национальные и этнические группы в Латвии. Информативный материал. Рига, 1996. С. 24.
- ¹⁹ Там же. С. 24-25.
- ²⁰ Цит. по статье: *Blumberga R.* Lībieši stāsta par sevi un savu tautu pēc mutvārdu vēstures dotumiem // LZAV A 1998. 52. sēj. 3 (596) nr., 63. lpp.
- ²¹ *Melluma A.* Nacionālā parka “Līvōd rānda” veidošanas koncepcija // Līvli. 1997. 2.4. lpp.
- ²² *Sīlis E.* Ieskats nacionālajā politikā: teorija un prakse // Līvli. 1996. II-12;
- ²³ *Loze I.* Neolīta kāpu mītnes Dundagas Pūrciema // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 1996. N. I. 5-19. lpp.; Senie somugri Ģipkas lagūnas krastā // Līvlist āgastrontōz. Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, Līvōd rānda, 1997. II-7-II-9. lpp.; Ziemeļkurzemes jūras piekrastes sākotnējā apdzīvotība // Līvlist āgastrontōz. Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, Līvōd rānda, Līvō kultūr sidām, 1998. 5-10. lpp.
- ²⁴ *Valts Ernštreits.* Lībiskais // Literatura un Māksla. 1.04.1994. 2. lpp.
- ²⁵ *Šulcs A.* Ziņas par līvu karogu // Rāndalist āgarontōz. 1994. āgaston. Līvōd It. Līvu kalendārs 1994. gadam. b.v., b.g. – 56-57. lpp.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Nacionālās mutvārdu vēstures dotumi, 86. Цит по: *Blumberga R.* Lībieši stāsta par sevi un savu tautu pēc mutvārdu vēstures dotumiem // LZAV A 1998. 52. sēj. 3 (596) nr., 61-62. lpp.
- ²⁸ *Шабанов А.* В краю ливов // СМ суббота. 5 сентября 1998. С. 34-35.
- ²⁹ Līvlist āgastrontōz. Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, Līvōd rānda, 1997. 100-105. lpp.
- ³⁰ Архив автора. Из интервью с Зоей Силе, 15.09.1998 (Мазирбе).
- ³¹ *Cimermanis S.* Par lībiešu saplūšanu ar latviešiem // LZAV A. 1998. 52. sēj. 3. (596) nr., 27. lpp.
- ³² *Cimermanis S.* Kolka mūsu gadsimta 20.-30. gados lībietes Irmas Fridrihsones skatījumā un dažī vēsturiski dotumi par ciemu // Līvlist āgastrontōz. Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, Līvōd rānda, Līvō kultūr sidām, 1998. 50. lpp.
- ³³ Архив автора. Из интервью с Паулине Клявиней, 16.09.1998 (Рига).
- ³⁴ Архив автора. Из интервью с Валдой Шувцане, 5.10.1998 (Рига).
- ³⁵ Архив автора. Из интервью с Гундегой Блумберг, 16.08.2001 (Рига).
- ³⁶ *Indriķa hronika. Ā. Feldhūna tulk., Ē. Mugurēviča priekšv. un koment. Rīga, 1993.*
- ³⁷ *Priekšlikumi valsts ilgtermiņa mērķprogrammas «Lībieši Latvijā» vadības padomes konceptuālajam ziņojumam Ministru Kabinētam. Sagatavoja Lībiešu kultūras centrs (рукопись любезно предоставлена Гундегой Блумберг в августе 2001 г.)*

О ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЛИВОВ

Древнейшие источники о духовной культуре, верованиях, мифоритуальных представлениях древних ливов это материалы археологических раскопок, в частности амулеты, украшения (зооморфные и орнитоморфные подвески), ритуальные предметы – антропоморфные фигурки или отдельные изображения головы с зауженным лбом (луноголовые), нередко с орнаментированным корпусом. Археолог И. Лозе, руководящая раскопками в районе Гипки, исследовавшая зафиксированную здесь Сарнатскую культуру, полагает, что их специально разламывали в ходе обряда: причём сначала отламывали нижнюю часть, затем голову. Интерпретация археологического материала сложна. Но многие предметы, найденные в ливских поселениях, имеют явные параллели в культуре других финно-угорских народов (например, культ водоплавающей птицы, луноголовые антропоморфные фигурки, геометрический орнамент).

Первые письменные свидетельства о народе (или народах) Балтии – «аэстиях» – появились в раннесредневековой европейской литературе. Этнокон «аэстии/эстии», встречающийся тогда в западноевропейской (но не скандинавской) литературе, обозначал, видимо, балтские племена. Тацит (I в.н.э.) и Кассиодор (VI в.) этим именем называют народ, живущий в устье Вислы, Иордан (VI в.) – обитателей побережья Балтики, Эйнарх (IX в.) – соседей балтийских славян. В то же время в скандинавских письменных памятниках Eistland – это земли современной Эстонии, а eistir – видимо, населяющие её прибалтийско-финские народы. Таким образом, не исключено, что речь шла о разных народах.

Что же мы знаем о культуре аэстиев? Тацит пишет, что этот народ, «носит на себе изображение вепря как отличительный знак своего культа», собирает янтарь на берегу моря и поклоняется Праматери богов. Вепрь в качестве культового животного и женского божества не слишком характерен для индоевропейской мифологической и культовой модели, где особо почитался крупный рогатый скот, существовал культ коня и абсолютно преобладали «мужские» божества. Может быть, балты не сохранили в «полной мере» «индоевропейскость» мифологии? Или народы, описываемые Тацитом, не были балтами?

Первый письменный документ, в котором относительно подробно описываются элементы духовной культуры балтийских народов – «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, посвященная событиям 1198-1225 гг., христианизации Прибалтики¹. Вот какие сведения сообщаются о ливах.

Жили они в деревнях, но имели также «лесные убежища».

«Ливы, соединившись с другими язычниками из Леневадена, покинули свои деревни и ушли в лесные трущобы»².

Гауиские ливы имели короля и старейшину Каупо (это видоизменённое христианское имя Екабус). «Брат Теодорих, отправляясь в Ливонию, взял с собой одного лива по имени Каупо, бывшего как бы королём и старейшиной оивов из Торейды... Папа принял его весьма милостиво»³.

Генрих награждает ливов такими эпитетами: они вероломные, лукавые, хитрые, имеющие злобу, «быстрые на кровопролитие», «криводушный народ», «народ непокорный и вполне преданный языческим обрядам».

Несколько раз Генрих упоминает, как ливы «смывают принятое христианство» водой Даугавы. «Вероломные ливы, выйдя из обыкновенных бань, стали обливаться водой в Двине, говоря: – Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и само христианство; принятую нами веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим саксам. Эти ушедшие (немцы) вырезали из ветви одного дерева подобие человеческой головы, а ливы сочли его за саксонского бога, и думая, что этим наводятся на них наводнение и мор, наварили по обычаю мёду, пили вместе и, посоветовавшись, сняли голову с дерева, связали плот из брёвен, положили на него голову с дерева будто бы саксонского бога и вместе с верой христианской отправили за море»⁴.

Ливы имели институт жрецов или кудесников (ariolus) и совершали человеческие жертвоприношения. Теодориха, брата цистерцианского ордена, «решили принести в жертву своим богам, потому что жатва у него была обильная, а на их полях погибла,

¹ Loorits O. Liivi rahva usund. I-III. Mit einem referat: Der Volksglaube der Liven. Tartu, 1998; см. также: Lībiešu mitoloģija // Mitoloģijas enciklopēdija. 2. sēj. Rīga, 1994. 232-239.lpp.; Lībieši. Rakstu krājums. Sast. K. Boiko. Rīga, 1994.

² Хроника Ливонии, III, XI.8.

³ Хроника Ливонии, III, VII.5.

⁴ Хроника Ливонии, II.8.

затопленная дождями. Собрался народ, решил узнать гаданием волю о жертвоприношении. Кладут копьё, конь ступает (через него) и волею Божьей ставит раньше ногу, почитаемую ногой жизни. Брат устами читает молитвы, руками благословляет. Кудесник говорит, что на спине коня сидит христианский Бог и направляет ногу коня, а потому нужно обтереть спину коню, чтобы сбросить Бога. Когда это было сделано, а конь опять, как и в первый раз, ступил раньше ногой жизни, брату Теодориху жизнь сохранили»¹.

Человеческие жертвоприношения были известны и у эстов, но не зафиксированы среди балтских народов. Обычно ливы и эсты приносили в жертву собак и козлов².

До XIII в. ливы – как и эсты – практиковали жертвоприношения животных (собак, козлов, быков) и даже человеческие. Их устраивали перед битвой, при неурожае и в честь победы. Как и у балтов, жертвоприношения сочетались с гаданиями о благополучном исходе или о принятии/непринятии жертвы. До XX в. сохранились жертвоприношения духам природы, урочищ, промысловые (жертва первого куса и первого глотка, перед и после рыбной ловли, сбора грибов и ягод, охоте). Как близкое жертвоприношению действие можно отметить распространённое среди ливов украшение во время праздников (особенно на Янов день, а раньше – во время весеннего солнцестояния) усадьбы, изгородей, деревьев, лодок и людей гирляндами, венками и другими плетёными фигурами из цветов и трав – *puškantomi*.

Известно, что ливы почитали священные деревья, у них были священные рощи. Вот описание «бога ливов»: в деревне Сидегунде (Сигулда) из лесной глуши пришёл ночью один лив и рассказал о своём видении: «Я видел бога ливов, который предсказал нам будущее. Образ его от груди и выше рос из дерева и сказал мне, что завтра придёт литовское войско»³.

Культовые деревья (возможно, и других растений), зафиксированный в «Хронике Ливонии», фрагментарно сохранился и позднее. В ливском фольклоре, в отличие от латышского, сравнения чаще проводятся не с антропологическими, а с вегетативными элементами. Например: латыш. «мальчик-с-пальчик» (*ikšitītis*), лив. «маленький человек, как еловая игла».

Ливская мифология сохранилась до наших дней довольно фрагментарно. Крупнейшим ее исследованием является труд эстонского ученого Оскара Лооритса «Народные верования ливов»⁴.

По мнению исследователей, ливская мифология во многом родственна эстонской. В её основе лежат представления о многочисленных классах духов. Отсутствует пантеон богов, духи и божества слабо персонифицированы, им редко даются имена собственные.

Всякие явления имеют свою душу – *jeng*, «дыхание, душа живого или покойного, дух, демон». Известны разные классы духов-божеств: *jengbōd* («духи, демоны»), *izād* («отцы»), *jemād* («матери»), *lapst* («дети»), *ālkōd* (заимствовано из лтш. *elks* – «идол, божество»).

Особое место занимает ливский *Jumāl*, аналогичный образу Диевса/Диеваса у балтов, а позднее обозначающий и Бога в христианской традиции. Юмал в Южной Эстонии значит «небесный бог»; возможно, в основе этимологии его имени, подобно балтскому Диевасу/Диевсу, лежит представление о «сияющем дневном небе».

Несмотря на слабую персонификацию, духи в ливской мифологии объединяются в «семьи»: они рождаются, женятся, строят дома, умирают. «Семья» состоит из отца, матери, дочерей и сыновей. Отмечаются и «сестринские» взаимоотношения, например, между «матерью Моря» (*Mie'r-jemā*) и «матерью Земли» (*Mo-jemā*). Несмотря на такой развитый «социум» духов, они крайне редко принимают конкретные формы.

Семьи духов связаны с природными, космологическими и метеорологическими явлениями: морем, землей, небом, ветром, снегом, песком, лесом, болотами, путями-дорогами, реками, морозом, туманом, бурями. Известны также «матери» окултуренного пространства – хозяйственных построек (овина, бани), злаков и domesticiрованных растений (льна), родов занятия (пастухов). В ситуации обряда эти и другие явления (например, небесные светила, гром, радуга, рощи, отдельные деревья) почитались ливами как священные.

Латышский фольклор воспринял много элементов ливских мифологических представлений (это показано в работах Я. Курсите⁵). Не исключено, что в этом значительную роль сыграл так называемый прото-европейский субстрат (выраженный в культуре Кунда, эпохи мезолита) и непрерывные контакты между балтийскими, скандинавскими, германскими и прибалтийско-финскими народами начиная с эпохи бронзы⁶.

Однако, если мы обращаемся к исследованию ряда конкретных культов и представлений у финно-угорских и индоевропейских народов, то мы обнаруживаем, что языко-

¹ Хроника Ливонии, I.10.

² Хроника Ливонии, IV, XVI.4.

³ Хроника Ливонии, III, X, 14.

⁴ Kulmar T. Conception of soul in old-Estonian religion // Folklore. Vol. 4. Tartu, 1997. P. 32.

⁵ Kursīte J. Mītiskais folklorā, literatūrā, mākslā. (Rīga, 1999). 30.-92.lpp.

⁶ Sarapik V. Rainbow, colours and science mythology // Folklore. Vol. 6. Tartu, 1998. P. 7-15.

вые границы не коррелируют с мифологическими. Например, в представлениях о радуге мотивы довольно равномерно распределены, и не обнаруживают «предпочтительной» группировки в пределах языковых групп¹.

Эстонское *vikerkaag* («радуга») связано с «многоцветием» или «громом», ливское *pit'kiz koog* – «громовый лук», латышское *varavīksne* – «радуга», буквально «медный вяз». И в германских, и в прибалтийско-финских (финском, ижорском, карельском) языках радугу связывают с дождём (*reinhov, sateenkaari*). У ливов, а также у эстонцев, у славянских, германских народов, албанцев, греков, радуга – пояс небесного божества и путь. Широко распространён мотив радуги, пьющей воду из водоёма, и проглатывающей попавшихся рыб и людей (у ливов, например, – рыбака с лодкой).

Важное место в ливских обрядах занимает характерная для индоевропейских мифологии и ритуала конская тема. В рисунках Й.Броце XVIII в. изображена ливская невеста, едущая на лошади одна (у латышей такой обычай неизвестен). Существовал и обычай езды на коне жениха и невесты вдвоём. От Паулины Клявини была записана такая ливская народная песня, переданная мне Зоей Силе:

«Пыхти, пыхти, дыши, дыши / Мой молодой конь. / Как не пыхтеть, как не дышать, / Две души у меня на спине, на спине».

Любопытен трансформировавшийся у ливов образ Пресвятой Девы Марии, латышской «святой Мары», ливской *Morī*. В XIX в. ливы не воспринимали её имя как имя собственное. *Mori* (*morī, mari*) – это класс, семья духов-божеств, связанных с различными сферами домашнего хозяйства (как и латышская *Mara*). Иногда они контаминируются с «морскими людьми» – *mie'g izā* и т.д.

Mor(i)-jētā – «мать Мары», идентичная матерям земли, леса, счастья, беды, моря; *Mor(i)-izā* – «отец Мары», живущий в запечье, хватающий шаловливых детей, сующихся туда; *Morī neitsōd* – «дочери Мары», «девицы», живущие в бане, прядущие, и встречающиеся в образе червя-древоточца (родственны латышским «святым девам»); *Morī puosōd* – «сыновья Мары», «парни, молодцы», живущие на гумне, молотящие зерно, растапливающие печь; *Morī go'vd* – «люди Мары».

На этом примере мы наблюдаем сюжетную («лексическую») близость латышской и ливской мифологий, но различие их «грамматик»².

У ливов существовали предсказатели и колдуны. Колдунов называли *vo'l, vo'llo* (западноливское *vi'l*), что имеет чёткие параллели в балтийской (*vels, vellis, velnis*) и славянской (волхв) традициях.

Несмотря на родственность эстонской и (в меньшей мере) финской мифологиям, и заимствования из балтской, ливская традиция заметно отличается от обеих.

Ливы Видземе, в отличие от латышей, видимо использовали пещеры в качестве культовых мест. Врач и краевед Ото Гун (1764-1832) в своих записках свидетельствует, что около Яунупе – речки, соединяющей Салацу со Светупе, находится одна очень большая пещера, в которой ещё и теперь нередко находят остатки от «языческих ритуалов» – хлеб и части одежды³.

Подобные описания, относящиеся к 1822 г., мы встречаем и в отношении пещер на берегу Светупе, недалеко от Светциемса. К более раннему времени, XVII-XVIII вв. относятся описания жертвоприношений около реки Светупе, совершаемые в день Бертулиса 24 августа; оставляли в качестве жертвы мясо, капусту, лепёшки, пояса и подвязки, деньги, шерсть⁴.

В 1973 г. в тех местах, на правом берегу р. Светупе работала археологическая экспедиция Ю. Уртанса. В пещере были найдены предметы, по-видимому, приносимые в жертву: всего 628 русских, немецких, ливляндских монет с XIV по XIX вв., бронзовые кольца, сапфы, яичная скорлупа, кости птиц и рыбы, чешуя, куски воска, пряжки и крючки от одежды, а также фрагмент голландской трубки XVII в. На то, что здесь зажигали костёр, указывают обгорелые угли⁵. На стенах видны процарапанные знаки, в частности два скрещённые колоса (т.н. «знак Юмиса»?). Недалеко от пещеры существовала священная роща и отдельные священные деревья (дубы), известны также другие подобные пещеры («Святая пещера»).

¹ Цит. по: *Cimermanis S.* Par l'ibiešu saplūšanu ar latviešiem // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. A. 1998. 52.sēj. 3. (596) nr., 25.lpp.

² *Reidzāne B.* Interaction of Latvian and Livian Cultures // *Multicultural Europe. Illusion or Reality*. Ed. by L. Felföldi, T. Sandor. Budapest, 1999. P. 102.

³ *Adamovičs L.* Vidzemes baznīca un latviešu zemnieks 1710-1740. Rīga, 1933. 478-489.lpp.

⁴ *Urtāns J.* Seno pagāniskā kulta vietu arheoloģiskā izpēte // *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnografu 1973.gada pētījumu rezultātiem*. Rīga, 1974. 71-73.lpp.; *Neģaidīti arheoloģiskie atklājumi alās* // *Dabas un vēstures kalendārs 1976. gadam*. Rīga, 1975. 251-254.lpp.

⁵ Цит. по: *Blumberga R.* Lībieši stāsta par sevi un savu tautu pēc mutvārdu vēstures dotumiem // *LZAV A 1998*. 52.sēj. 3 (596) nr., 64.lpp.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЛИВСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ В XX В.

РАССКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ

Рассказывает Паулина Клявиня (запись интервью 16 сентября 1998 г., Рига):

«В 1920-30-е гг. на ливском берегу было больше ливов. Были и эстонцы, особенно бедные люди с Сааремаа. Хозяева их брали на лето в батраки, в пастухи, как прислугу. Некоторые оставались навсегда. В Мазирбе, Колку приходили работники строить лодки. Все они обучались ливскому языку. Многие эстонки занимались соленьем рыбы с использованием всяких пряных трав – у нас такого не знали. Появлялись и латышские рыбаки, но они ливского языка не знали. Нередко ливы были богаче латышей... Иногда мимо посёлков проходили цыгане. Знали мы и шведов. По-ливски «швед» – «роч»; в Вайде были хозяйства шведов, Вецроч и Яунроч. Появлялись евреи (žīdi) – отец с сыном, торговцы. У них был самовар, они готовили чай с сахаром и угощали детей, рассказывали о своей вере. Был еврей, торговавший посудой – горшками, тарелками; он же собирал старое тряпье. Они приходили из Сасмага (в настоящее время – город Валдемарилис) и из Талсы. Иногда мы, дети, подглядывали за евреями, как они молятся, но родители нам запрещали это делать. Был ещё еврей, торгующий иголками, красками, мылом. В качестве платы за ночлег он обязательно оставлял иголку или платок. Были и нищие – торговали всякими мелкими вещами. Вообще о евреях было представление как о ремесленниках.

Русских в наших краях до 1940 г. никогда не было. Когда они появились – о них сложилось впечатление как о потребителях, они вечно что-то просили бесплатно. Например, надо им лошадь подковать, или ещё что – всё для них делали. Приходилось отдавать всё, что им понравится. В нашем доме поселился полковник с женой, и ей очень понравился мой новый красивый чемодан. Мне так не хотелось его отдавать, но пришлось... Русских боялись и уважали. В то время многих людей из Колки, Мазирбе увозили в Сибирь. Во время первой и второй мировых войн нас всех выселяли с берега. Наша семья уезжала в 1914-1918 и 1944-1946 гг. Жили мы в Дундаге. Потом я запросила нашу землю назад и в 1946 г. получила 10 га. Но за неё надо было платить такие огромные налоги, а я была одна, без мужа. Не выдержала и в 1949 г. уехала в Ригу...»¹

Рассказывает Валда Шувцане (запись интервью 5 октября 1998 г., Рига):

«В 1920-30-е гг. в ливских посёлках латышей не было. В Дундаге латыши начали появляться после 1869 г. Это было связано с тем, что барон Остенсакен перешёл на денежные расчёты с крестьянами, и некоторые ливы воспротивились. Тогда он выгнал некоторые семьи, на их место поселились латыши. Но сёла Лиелирбе, Мазирбе и Пизе (Микельторни) находились под властью барона из Поне, и у нас такого процесса не происходило. Наши посёлки оставались чисто ливскими. «Летонизация» у нас началась после второй мировой войны.

В моём посёлке (Лиелирбе) в каждом доме жило по несколько семей. В одной большой комнате в каждом углу по семье. Жили очень дружно. Сегодня – совсем не так живут. Курземцы вообще очень основательные люди, работали очень основательно. Курземцы ещё целеустремлённые, упрямые, строптивые.

Русских в наших посёлках не было. Только один наш лесник женился на русской дворянке, я слышала, как она говорила по-русски. Были эстонцы и эстонки, переселившиеся с Сааремаа (Самсалы). Сначала они занимались работать пастухами, работниками; многие оставались навсегда»².

¹ Архив автора. Рассказывает Паулине Клявиня; запись интервью 16.09.1998 г.

² Архив автора. Рассказывает Валда Шувцане; интервью 5.10.1998.

ЛИТЕРАТУРА О ЛИВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

СТАТЬИ И ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Alho V. Lībiešu tauta, tās pagātnes un tagadne // Līvli. 1992. 1-5; 1993. 1-5. Алхо В. Ливский народ, его прошлое и настоящее.
2. Ancītis V. Lībiešu dainas // Līvli. 1994. 8. Анцитис В. Ливские даины.
3. Beitiņa L. Teodoriha darbība Līvzemē un Igaunijā (1187-1219). Par lībiešu kristīšanu 13.gs. // Līvli. 1997.1-2. 12.lpp. Бейтиня Л. Деятельность Теодориха в Ливонии и Эстонии (1187-1219). О крещении ливов в XIII в.
4. Belt L. Spoku stasti. Vilkači pirtī. Mata galā. Māras meita. Jūras zirgs // Līvli. 1994. II. Белт Л. Рассказы о привидениях. Оборотни в бане. На конце волоса. Дочери Мары. Морские кони.
5. Bertholds A. Par dažām lībiešu paražām un tradīcijām // Līvli. 1993. I. Бертольд А. О разных ливских обычаях и традициях.
6. Bertholds G. Kolka spoku stasti. Dīvainā sieva. Laimīgais sapnis. 1994.12. Бертольд Г. Рассказы о привидениях из Колки. Чуждая женщина. Счастливый сон.
7. Blumberga G. Tas lībiski latviskais dūmu un laivu smārds // Līvli. 1995. 8-9. Блумберг Г. Этот ливский запах дыма и лодок.
8. Blumberga R. Noslēpumainais Lībiešu kultūras centrs // Līvli. 1996. II-12. Блумберг Р. Таинственный Центр ливской культуры.
9. Blumberga R. Lībieši stāsta par sevi un savu tautu pēc mutvārdu vēstures dotumiem // LZAV A 1998. 52.sēj. 3 (596) nr., 61-65.lpp. Блумберг Р. Ливы рассказывают о себе и своем народе – по данным устной истории.
10. Čaune A. Rīgas lībieši // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A. 1998. 52.sēj. 3. (596) nr., 1-10.lpp. Цауне А. Рижские ливы.
11. Čaune A. Rīgas lībieši un viņas īpašuma zīmes. (Rīga), Jumava, (1998). 104.l. Цауне А. Ливы Риги и их знаки собственности.
12. Čimermanis S. Par lībiešu saplūšanu ar latviešiem // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A. 1998. 52.sēj. 3. (596) nr., 21-38.lpp. Цимерманис С. О слиянии ливов с латышами.
13. Freimanis A. Līvu krasta spoku un joku stāsti. Briesmīgā māja // Līvli, 1992.3. Фрейманис А. Рассказы о привидениях и шуточные рассказы ливского побережья. Страшный дом.
14. Freimanis A. Dieva sods. Kroga ceļš // Līvli. 1992. 4. Фрейманис А. Божий суд. Дорога в корчму.
15. Freimanis A. Lībiešu bites. Laika pareģonis. Vēlreiz par gaidāmo laiku // Līvli. 1992. 5. Фрейманис А. Ливские пчелы. Предсказатель погоды. Ещё раз об ожидаемой погоде.
16. Freimanis A. Pa sniega pēdām // Līvli. 1994. I. Фрейманис А. По снежным следам.
17. Gaujas lībieši cāuri gadusimtiem. Sast. L.Beitiņa. Turaidas muzejrezervāts, 1991. Гауйские ливы через века. Сост. Л. Бейтиня.
18. Geige I. Lībieši Latvijas laukos un pilsētās // Līvli. 1994. II. Гейге И. Ливы в Латвии на селе и в городах.
19. Graudonis J. Lībieši Latvijā // LZAV A 1998. 52.sēj., 3 (596) nr., 14-20.lpp. Граудонис Я. Ливы в Латвии.
20. Karma T. Legenda par Dieva dārzu // Līvli. 1995. 4. Карма Т. Легенда о Божьем саде.
21. Karma T. Vidzemes lībieši. Bija kādreiz // Līvli. 1993. 2. Карма Т. Видземские ливы. Были некогда.
22. Karma T. Zilās govīs // Līvli. 1995. 6-7. Карма Т. Синяя корова.
23. Karma T. Lībiešu valodas normēšanas pamati // LZAV A 1998. 52.sēj., 3 (596) nr., 41-55.lpp. Карма Т. Основы нормирования ливского языка.
24. Karma T. Jānis Princis, Seniors un viņa literārais dotums // LZAV A 1998. 52.sēj., 3 (596) nr., 71-72.lpp. Карма Т. Янис Принцис Старший и его литературный дар.
25. Laumane B. Zeme, jūra, zvejvietas. Zvejniecības leksika Latvijas piekrastē. Rīga, Zinātne, 1996.-397.lpp. Лаумане Б. Земля, море, тони: рыболовецкая лексика на побережье Латвии.
26. Lībieši. Rakstu krājums. Sast. K. Boiko. Rīga, 1994. Ливы. Сборник статей. Сост. К.Бойко.
27. Lībiešu mitoloģija // Mitoloģijas enciklopēdija. 2. sēj. Rīga, 1994. 232-239.lpp. Ливская мифология.
28. Lībiešu tautasdziesmas. Sast. P.Damberg. Rīga, 1980. Ливские народные песни.

29. Līvōd kuņšt. Lībiešu māksla. Sast. B.Damberg. B.v., Līvō kultūr sidām. 1998. *Ливское искусство. Сост. Б.Дамберг.*
30. Loze I. Lībiešu krāsta sākotnēja apdzīvotība // Līvli. 1994. 12. Лозе И. Первоначальное обитание на ливском берегу.
31. Loorits O. Liivi rahva usund. I-III. Mit einem referat: Der Volksglaube der Liven. Tartu, 1998. Лоритс О. *Ливские народные верования.*
32. Ludeviks A. Gribu būt lībietis // Līvli. 1993. 2. Лудевикс А. Хочу быть ливом.
33. Ma akūb sīnda vizzō, tūrskā! Līvō lūolkub. Es viltīgāks par tevi, menca! Lībiešu dzejas izlase. Sast. V. Ernštreits. /Rīgō, Līvō Kultūr Sidām, 1998/- 6.lpp. Я хитрее тебя, треска! Сборник ливской поэзии. Сост. В.Эрнштрейтс.
34. Nāve ābele (Lībiešu pasaka) // Līvli. 1994. 7. Яблоня смерти (Ливская сказка).
35. Neilande I. Par Jāni Princi, Senioru, un viņa dēla Jāņa dzimtu kā lībiešu kultūras un sabiedriskā darba turpinātāju // LZAV A 1998. 52.sēj., 3 (596) nr., 73-78.lpp. Нейланд И. О Янисе Принце Старшем и семье его сына Яниса как продолжателях ливской культурной и общественной деятельности.
36. Par lībiešiem. Par lībiešu vēsturi, kultūru un situāciju mūsdienās. Atb.I. Neilanle. Rīga, 1989. О ливах. Об истории, культуре ливах и современную ситуацию. Отв. И.Нейланд.
37. Par Velnu un Ansi // Līvli. 1993. 2. О Чёрте и Анцисе.
38. Priedīte I. Kurzemes lībieši fotogrāfijās. 1943-1944.gada rudens // LZAV A 1998. 52.sēj., 3 (596) nr., 56-60.lpp. Приедите И. Курземские ливы на фотографиях.
39. Priedīte I. Leģendas un vēstures avoti (Par Mazirbes mēra akmeņiem) // LZAV A 1998. 52.sēj., 3 (596) nr., 39-40.lpp. Приедите И. Легенды и исторические источники (О "чумных камнях" в Мазирбе).
40. Rušeniece L. Desmit cilvēku tautas svētki // Rīgas balss. 7.08.1995. 4lpp. Рушениеце Л. Праздник народа из десяти человек.
41. Sīle Z. Ežmist līvōd kīel stūpdod. Pirmās lībiešu valodas stundas. Mazirbe, Līvōd Rānda, 1994. – 16.lpp. Силе З. Первые занятия по ливскому языку.
42. Sīle Z. Ūdens svētki "Līvōd rai" // Līvli. 1993. 5. Силе З. Праздник воды "Ливыд рай".
43. Sīlis E. Ieskats nacionālajā politikā: teorija un prakse // Līvli. 1996. II-12; 1997. I. Силис Э. Взгляд на национальную политику: теория и практика.
44. Šterns I. Kaupo – senlatvijas trimdinieks // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A. 1998. 52.sēj. 3. (596) nr., 12-13.lpp. Штернс И. Каупо – древнелатышский эмигрант.
45. Šuvcāne V., Ernštreite I. English-Livonian phrase book. Mazirbe, Līvōd Rānda, 1994. – 40.lpp. Шувцане В., Эрнштрейте И. Английско-ливский разговорник.
46. Turaida un lībiešu pils. Teksta aut. J. Graudonis. Turaidas muzejrezervāts, 1998. Турайда и ливский замок. Автор текста Я.Гraudonis.
47. Urū! Rurū! Lībiešu tautasdziesmas. Sakārt. V.Šuvcāne. Rīga, Sprīdītis, (1994). Уру! Рур! Ливские народные песни. Собр. В.Шувцане.
48. Winkler E. Über die Anfänge der erforschung des Livischen // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A. 1998. 52.sēj. 3. (596) nr., 46-55.lpp. Винклер Э. О начале изучения ливов.
49. Zirņīte M. Nacionālā mutvārdu vēsture // Līvli. 1994. 12. Зирните М. Национальная устная история.

ЛИВСКИЕ КАЛЕНДАРИ

50. Rāndalist āigarontōz 1994.āigaston. Līvōd It. Līvu kalendārs 1994.gadam. b.v.,b.g.
51. Rāndalist āigarontōz 1995.āigaston. Lībiešu kalendārs 1995.gadam. Mazirbe, Līvōd rānda, 1995.
52. Līvlist āigastrontōz. Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, Līvōd rānda, 1996.
53. Līvlist āigastrontōz. Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, Līvōd rānda, 1997.
54. Līvlist āigastrontōz. Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, Līvōd rānda, Līvō kultūr sidām, 1998.
55. Līvlist āigastrontōz. Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, Līvōd rānda, Līvō kultūr sidām, 1999.
56. Līvlist āigastrontōz. Lībiešu gadagrāmata. Mazirbe, Līvōd rānda, Līvō kultūr sidām, 2000.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДОЛГОСРОЧНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА «ЛИВЫ ЛАТВИИ»

(РИГА, 1999)

1. ВВЕДЕНИЕ

Государственная долгосрочная целевая программа «Ливы Латвии» разработана согласно распоряжению № 345 Президиума министров Латвийской Республики от 24 ноября 1998 г. Этим распоряжением образована рабочая группа.

Государственная долгосрочная целевая программа «Ливы Латвии» создана как концептуальная общая программа для широкого комплекса действий, необходимая, чтобы разрешить три основные проблемы:

1. сохранения и развития ливского этноса,
2. сохранения и развития ливского языка, ливского исторического и культурного наследия, определение их особого места в общем национально-культурном достоянии Латвии,
3. обеспечения стабильного и демократического отношения Латвийского государства к его древнему коренному народу – ливам.

Целевая программа включает в себе семь программ действия:

- защита и использование ливского культурного наследия;
- ливский язык;
- образование;
- научные исследования;
- культурные процессы;
- общественные отношения;
- «Берег ливов».

Каждая программа действия содержит краткую характеристику проблемы, определяет цели, которые следует достичь, основные задачи и сферу ответственности исполнителей. Предусмотрено, что в дальнейшем программы действия будут детально разрабатываться, для чего, однако, необходимо определенное время и соответствующее финансирование, для каждого вида деятельности отдельно. Так как целевая программа «Ливы Латвии» предусмотрена как долгосрочная, необходимо обеспечить ее институциональную реализацию и дальнейшую разработку.

Разработка целевой программы «Ливы Латвии» основана на восьмилетнем опыте работы Государственной особо охраняемой историко-культурной территории «Берег ливов», на опыте работы ливских общественных организаций, на предложениях государственных и научно-исследовательских учреждений. Учитывается также длительный внутригосударственный и международный опыт Европейского Союза по защите прав малочисленных народов, а также требования, которые Европейский союз выдвигает своим государствам – членам.

Для того, чтобы лучше осознать ситуацию, в целевую программу включен краткий исторический обзор, описывающий формирование, развитие и перспективы ливского народа.

Целевая программа «Ливы Латвии» была разработана рабочей группой в следующем составе: Илга Апиние (член-корр. Латвийской АН, проф.), Айна Балашко (руководитель Отдела по делам национальностей Департамента по общественным и религиозным делам Министерства права Латвийской Республики), Гундега Блумберг (руководитель Центра ливской культуры), Ренате Блумберг (докторант Латвийского Университета), Керсти Бойко (руководитель Финно-угорской программы бакалавров Факультета иностранных языков Латвийского Университета, доктор филологических наук), Саулведис Цимерманис (академик Латвийской АН, руководитель совета «Летоника», проф.), Алдис Эрманбрикс (старейшина «Союза ливов»), Валтс Эрнштрейтс (магистрант Тартуского университета), Тыну Карма (почетный член Латвийской АН), Айя Меллума (член-корр. Латвийской АН, проф.), Эдгарс Силис (директор Государственной особо охраняемой ливской историко-культурной территории «Берег ливов»).

Руководитель рабочей группы – депутат Седьмого Сейма Латвийской Республики Илмарс Гейге.

Задача целевой программы – сформировать серьезное и позитивное отношение государства и общества к ливам как второму коренному народу Латвии. Это стало бы гарантом реализации, дальнейшей детализации, активному внедрению задуманных начинаний. Успех деятельности будет зависеть от того,

- каким будет государственное законодательство, а также практическая и финансовая поддержка ливов со стороны государственных учреждений;
- каким будет отношение к ливам и их моральная поддержка в обществе, в особенности со стороны латышей;
- насколько целенаправленно будут действовать сами ливы и их организации.

2. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ливы – древний коренной народ Латвии, который складывался в ходе тысячелетий на территории современной Латвии и живет здесь до сих пор. Латвия – единственная родина ливов, и ливы сыграли значительную роль в формировании латышской нации.

Согласно данным Отдела по делам гражданства и миграций Министерства внутренних дел на 1 января 1999 г. в Латвии было зарегистрировано 185 ливов, что составляет 0.008% от всей численности жителей страны. Они живут в 28 административных единицах, что исключает возможность их интенсивного повседневного общения между собой. Больше всего ливов проживает в Риге, Вентспилсе и в Колкской волости, однако, большинство молодежи – в Риге.

Отношение к ливам в разные исторические эпохи, особенности развития этноса и его небольшая численность в настоящее время, а также территориальная рассеянность – все это образует ряд проблем, которые можно разрешить только с помощью государственной долгосрочной целевой программы.

1. Опасности дальнейшей ассимиляции и сокращение численности

Как свидетельствуют статистические данные, ливы в Латвии всегда были самым малочисленным народом и в течение столетий были подвержены этнической и лингвистической ассимиляции, физическому уничтожению, в том числе в ходе разрушительных войн, а также насильственному переселению. В начале XIII в. на территории современной Латвии ливы составляли примерно 20% от общего числа жителей, но в конце XVIII в. – уже только 0.3%.

Отношение образованного в 1918 г. Латвийского государства к ливам было безразличным: их считали последними остатками уже ассимилированного народа. Забота о ливах была незначительной. Легализована их родственная связь с эстонцами и финнами. После переворота 15 мая 1934 г. государство стало поощрять ассимиляцию ливов. Формировалась новая идеология, и в латвийской историографии и образовательных программах ливов и их вклад в историю Латвии начали игнорировать. В 1935 г. ливы составляли только 0.048% от общей численности жителей Латвии. Значительное зло принес ливам период, когда Латвия входила в состав Советского Союза.

2. Недостаточность политических решений и государственных мероприятий

С конца 1980-х гг., когда в Латвии начал складываться новый этнополитический курс, взаимоотношения между ливами и латышами стали доброжелательными. Ливы активно поддерживали стремление латышей к государственной независимости. В законе Латвийской Республики от 19 марта 1991 г. «О свободном развитии и правах на культурную автономию национальных и этнических групп Латвии» впервые был определен юридический статус ливов как «древнего коренного народа Латвии». В то время Верховный совет Латвийской Республики от имени латышского народа, осознав смысл произошедшей этнической трагедии, взял на себя ответственность по сохранению ливов и возрождению ливской культуры. В 1991 г. была образована Государственная особая охраняемая ливская историко-культурная территория «Берег ливов» и ее дирекция. С 1995 г., в соответствии с основными положениями культурной политики Латвии, ливский язык и культурные ценности включены в состав национального достояния Латвии.

Тем не менее, неразрешенными остаются многие проблемы, важные для ливов, так как за законами не последовали целенаправленные практические действия и изменение ситуации. Поэтому до сих пор остается актуальной реальная опасность ассимиляции ливов, и рождаются несоответствия требованиям, сформулированным в документах международных организаций, содействующих сохранению и развитию уникальных малочисленных (а в случае с ливами – коренного) народов. Понижается международный престиж латвийского государства и стремление государства к интеграции общества Латвии.

3. Отношение к ливам неадекватно уровню исторического значения (этого) этноса и настоящей ситуации

Это наблюдается и в отношении к ливам государства в целом, и в отношении латышей как основного народа к малочисленному, но коренному.

Одно из наиболее негативных наследий со времен первой Латвийской Республики и советских лет состоит в том, что часть общества рассматривает ливов как вымершее в XIII в. племя, а их язык – как один из диалектов латышского языка. При этом латышский язык относится к индоевропейской семье языков, а ливский язык, как и финский, эстонский, венгерский и другие языки – к финно-угорской языковой семье.

Используя эту ситуацию и имя ливов, нередко тиражируются представления, не отвечающие историческим фактам, различные мифы и стереотипы о ливах, их интересах и нуждах. Таким образом, искажается реальный образ ливов. Зачастую их считают этнографической группой, не зная, что у ливов имеются свои история, фольклор, искусство, литература, музыка, книгоиздательство и другие формы выражения культуры, которые все вместе свидетельствуют о ливах как о своеобразном и уникальном этносе среди народов Европы. В то же время язык, культура и история ливов неразрывно связаны с языком, культурой и историей латышей, с процессом их формирования, и с латышской нацией как преобладающей в государстве. Политическим лидерам Латвии следует исправлять те

негативные последствия, которые возникли в результате всего, произошедшего с ливским народом в ходе истории. Их нравственный долг – помочь сохранить и развить культуру и язык ливов.

4. Проблемы существования и развития ливов как коренного народа не ограничены территориально, и их разрешение нельзя связать только с особо охраняемой государством культурно-исторической территорией «Берег ливов»

В последние годы сформировалось представление, что ливы связаны только с особо охраняемой историко-культурной территорией «Берег ливов». Однако ливы живут повсюду в Латвии, это экстерриториальное меньшинство, проблемы этнической идентичности которого в целом нельзя свести только к социальным проблемам жителей северокурземского побережья.

Вместе с тем, «Берег ливов» – уникальная для Латвии территория, образованная в исторически последнем месте компактного проживания ливов. Его цель – сохранить многообразие природного и культурного наследия этой своеобразной среды. «Берег ливов» занимает важное место в ливском самосознании и идентичности, его существование и возвращенная земельная собственность способствует связи поколений.

Основываясь на этих проблемах в разработке целевой программы последовательно учитываются два ведущих фактора.

1. Латвийское государство и взаимоотношения с его вторым коренным народом – ливами.

Согласно международным документам, такие древние коренные народы и уникальные меньшинства как ливы, их язык и культура относятся к категории незаменяемых ценностей. Ответственность за их сохранение и развитие должно взять на себя государство, на территории которого они живут. Выработанная государственная долгосрочная целевая программа – это механизм, который позволяет планировать и регулярно проверять отношение латвийского государства, основы управления и всю деятельность.

2. История ливов, язык и культурное наследие – существенная и неотъемлемая составная часть национального культурного достояния Латвии.

Основы культурной политики Латвии (1995 г.) определяют ливский язык и культурные ценности как составную часть национального культурного достояния Латвии. Для того чтобы общество Латвии получало объективные сведения и информацию о уникальной культуре ливов и развитии ливского этноса, в дальнейшем нужно развить широкую образовательную и информационную деятельность, нужно продолжать научные исследования, а также создать финансовое обеспечение этой деятельности.

3. ЛИВЫ ЛАТВИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА СИТУАЦИИ

Спасение малых народов от исчезновения – глобальная проблема. Всего несколько десятилетий назад в мире обозначился новый, еще мало описанный в этнологии процесс. Началось возрождение и возвращение этнического самосознания многих малочисленных народов (узльсцев, корнийцев, саамов и др.). Ливы находятся среди таких возрождаемых народов.

Хотя численность ливов, зарегистрированных в Латвии во второй половине 1990-х гг. уменьшилась, тем не менее, молодое поколение, происходящее из ливских семей, все чаще официально признает себя ливами и учит этот язык. Из 185 официально зарегистрированных ливов в 1999 г. 22 или 11,9% – молодежь, люди, рожденные после 1990 г., 45 или 24,3% родились после 1970 г.

Международные организации – ООН, Совет Европы и другие – приняли много деклараций и рекомендаций, которые можно применить и по отношению к ливам Латвии.

Очень важны рекомендации правительствам государств обеспечить постоянный межэтнический диалог, сохранять культурное наследие, охранять малые и малочисленные народы от дискриминации и принудительного изменения национальности, способствовать сохранению и использованию их родного языка.

Правовая основа отношения государства к ливам в настоящее время формируется законами Латвийской Республики, которые в 1990-е гг. заложили основу новых механизмов в упорядочивании национальных дел. Принятый 19 марта 2001 г. закон «О свободном развитии и правах на автономию национальных и этнических групп Латвии» полностью изменил положение с ливами в государстве. В преамбуле закона впервые определен правовой статус ливов: «В Латвийской Республике живут латышская нация, древний коренной народ – ливы, а также национальные и этнические группы».

В разделе 4 закона зафиксированы сферы ответственности государства: «Государственные властные органы и правительственные учреждения Латвийской Республики ответственны за сохранение национальной идентичности и культурно-исторической среды древнего коренного народа Латвии – ливов, за восстановление и развитие социально-экономической инфраструктуры их территории обитания».

Тем не менее, не был разработан механизм реализации нормы этого закона, равно как и практическая модель государственной поддержки. В настоящее время началась работа по выработке нового, современного закона о меньшинствах Латвии. Механизм поддержки ливов должен быть проделан и на уровне местного самоуправления. До сих пор не существует ни одного закона и реше-

ния местного самоуправления, в которых бы были зафиксированы нормы, связанные с этническими интересами ливов.

Отношение органов местного самоуправления и государства к ливам и их проблемам в целом основывается на свободной инициативе. Помогают ливам только несколько местных самоуправлений (в Риге, Стайцеле, Вентспилсе) и государственных учреждений («Берег ливов», Академия Наук Латвии, Латвийский университет, Отдел по национальным делам Министерства права).

Цикл гуманитарного и социального знания в системе образования Латвии не дает знаний ни о месте ливов в истории и культуре Латвии, ни об их правах и нынешнем состоянии. Важна роль средств массовой информации, так как позитивное отношение невозможно без информированности. Однако сведения, передаваемые средствами массовой информации недостаточны, они зачастую поверхностны и создают ошибочный образ.

До сих пор значительную и разнообразную работу в деле формирования ливского этнического самосознания, сохранения культурных ценностей и языка ведут Государственная особо охраняемая территория «Берег ливов» и ее дирекция в Мазирбе (бюджетная организация), Центр ливской культуры (неправительственная организация), Латвийский университет и Академия Наук Латвии, а организаторскими центрами культурной жизни являются также «Союз ливов» с подразделениями в Риге, Вентспилсе, Мазирбе и Колке (неправительственная организация, член ассоциации Национальных культурных обществ), ансамбль «Ливлист» (Рига), ансамбль «Кандла» (Вентспилс), и молодежный ансамбль Центра ливской культуры «Виним» (Рига).

Дирекция «Берега ливов» возродила ежемесячную газету «Ливли», издает Ливские ежегодники и другие издания, организует научно-исследовательскую работу, проводит конференции, предоставляет возможность изучать ливский язык (воскресные школы в Вентспилсе, Мазирбе, Колке, Риге, летние детские лагеря, учебные пособия), поощряет стипендиями студентов ливского происхождения и т.д. Основанный в 1994 г. Центр ливской культуры возобновил международные связи, активизировал культурную жизнь и возможности использования ливского языка.

4. ЛИВЫ В ЛАТВИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Ливы – один из семи прибалтийско-финских народов Прибалтики. Их далекие предки – прибалтийско-финские племена – зафиксированы на территории Латвии уже около 3300 г. до н.э. В ходе длительного этногенетического процесса сложился самостоятельный ливский этнос со своим языком и культурой. Языковеды полагают, что в I тыс. до н.э. из прибалтийско-финского праязыка отделилась южная подгруппа, из которой первым мог выделиться ливский язык. Археологи полагают, что о ярко выраженном существовании ливской культуры мы можем говорить, начиная с X в. н.э.

Первые достоверные письменные сведения о ливах и их языке относятся к XI в. и содержатся в хронике Сильвестра (Нестора, 1056-1160), наставника Киево-Печерского монастыря. Здесь встречается их этноним *либь* и *любь*. Первые сведения о ливах в письменных источниках Латвии содержит Хроника Генриха Латвийского (XIII в.) и немногочисленные другие документы того времени.

Согласно данным археологических раскопок, хроник и других документов X-XIII вв., ливы обитали в четырех западновидземских областях: даугавские ливы, жившие в основном по правому берегу реки от устья до Айзкраукле, а также на острове Доле; гауйские, или турайдские ливы (по названию их главного центра – Турайды); ливы Идумей, проживавшие по правому берегу Гауи; ливы Метсеполе (бассейна Салацы). Восточную границу обитания ливов Видземе приблизительно образовывала линия Кирбени – Вецате – Цесис – Айзкраукле. В Идумее и области от Лиелварде до Айзкраукле ливы жили смешанно с латгалами.

Курземские ливы обитали по правому берегу реки Венты, от притока Абава до устья Венты, на узкой прибрежной полосе от устья Венты до Колки и на западном берегу Рижского залива. Границу обитания курземских ливов приблизительно очерчивала линия Видале – Ренда – бассейн Абава – Сати – Рагацимс.

В нашем распоряжении нет точных данных о численности ливов ни в один исторический период. Первые приблизительные статистические данные относятся к середине XIX в., когда видземские ливы уже практически были олатышены, а курземские ливы довольно интенсивно смешивались с латышами. Согласно подсчетам эстонского историка Э. Тынисона, на рубеже XII и XIII в. в Видземе проживало до 28000 ливов, включая 10000-12000 даугавских ливов, 6000-9000 ливов Метсеполе и 5000-6000 гауйских ливов. Численность курземских ливов в этот исторический период неизвестна. Языковеды полагают, что численность ливов в ранний исторический период мог быть и больше.

В X-XIII в. ливы были активным этносом. Они поддерживали хозяйственные и культурные связи с окружающими балтскими и эстонскими народами, а также со славянскими союзами племен и со скандинавами. По крайней мере часть ливов Видземе уже с XI в. находилась в податной зависимости от Полоцкого князя. Нашествие немецких крестоносцев на территорию Латвии на рубеже XII-XIII в. прервало ход развития. Начался стремительный процесс иссякания культуры, уменьшения численности и ассимиляция.

Видземские ливы, особенно даугавские и гауйские, были первыми местными жителями, территории которых были подчинены власти крестоносцев. Сами ливы были вовлечены в борьбу с соседними народами, эстонцами, латгалами и другими. В ходе войн погибло много ливов. В XIII-XIV вв. немцы безжалостно искореняли движения сопротивления ливов. В 1211 г. в ливских областях Видземе вспыхнула эпидемия чумы, вследствие которой погибло множество людей.

Видземские ливские области сильно пострадали в ходе войн между феодальными государствами – Россией, Ливонским орденом, Польшей и Швецией в XVI-XVIII вв., и в особенности в ходе разрушительной Северной войны и эпидемии чумы в 1710-1711 гг., когда в ливских областях вымерло до 75-90% жителей. К XVI в. ливский язык уже практически исчез на территории Риги и ее окрестностей, немногочисленные ливы слились с латышами. В XIX в. ливский язык исчез также в северо-восточной Видземе.

Курземские ливы сохранились на Курземском полуострове как небольшой, компактно расселенный этнос, территориально отделенный от мест обитания латышей широкой полосой лесов и болот. Они не подверглись насильственному уничтожению и эпидемиям в той мере, как видземские ливы. Так продолжалось до реформ 1860-х гг., которые предоставили возможность крестьянам и рыбакам выбирать работу и свободно перемещаться. В Дундагской волости по крайней мере со второй половины XIX в. прослеживалось стремление заселить латышей в ливские поселки. Особенно интенсивно это стало происходить после подавления в 1859-1860 гг. ливского движения сопротивления. С середины XIX в. ливы Латвии в основном проживали только на северокурземском побережье.

В начале XX в. условия для сохранения ливского языка и традиционной культуры были совершенно неблагоприятными: у ливов не было своих школ, в административных и хозяйственных учреждениях все документы составлялись на русском, латышском или немецком языках, богослужения проводились на латышском или немецком языках, в школах обучали на латышском или русском языках. В таких обстоятельствах ливский язык сохранялся как семейный, язык отдельных рабочих коллективов и разговорный язык общения.

Молодое Латвийское государство восприняло ливов как последние остатки уже ассимилированной этнической группы. Закон “О народном образовании” от 12 июля 1934 г. определял, что в школах с латышским языком обучения следует учиться также детям из смешанных семей, если один из родителей – латыш. В среде ливов широко распространилось двуязычие, родители стимулировали детей учить латышский язык, так как ливский язык стал неконкурентноспособным. Положение не улучшилось и после введения факультативных занятий по ливскому языку в школах, находившихся в ливских поселках. К тому же Министерство образования Латвии не разрешило использовать подготовленные самими ливами учебные книги для чтения, так как они были напечатаны за границей. Все меньше становилось людей, открыто признававших себя ливами, людей, заинтересованных в непрерывном сохранении своей этнической культуры и языка. После 1934 г. положение еще ухудшилось.

В 1920-30-е гг. особенное внимание ливам уделяли эстонские и финские исследователи. Они собирали материалы по языку и культуре, старались поднять ливское этническое самосознание, помогали сохранять ливский этнос и стремились достичь участия латвийского государства в этой деятельности. В 1923 г. была создана общественная организация Союз ливов, в Эстонии и Финляндии начали издавать ливские книги, в 1931 г. начали издавать ежемесячную газету “Ливли”. В 1938-39 гг. на средства правительств Эстонии, Финляндии, Венгрии и Латвии в Мазирбе был открыт Ливский народный дом. Десятки молодых людей получили возможность обучаться в учебных заведениях Эстонии и Финляндии. Это была попытка эстонцев и финнов способствовать образованию ливской интеллигенции. Однако и этого оказалось недостаточным, чтобы предотвратить ассимиляцию ливов. Недостаточной была поддержка Латвийского государства.

В годы советской власти в Латвии постоянно властвовала политика непризнания ливов. Были закрыты общественные организации, не разрешали публиковать издания на ливском языке, был национализирован Ливский народный дом. На побережье Северной Курземе был создан пограничный режим западной границы СССР. В ходе коллективизации хозяйства были уничтожены ливская традиционная хозяйственная деятельность и образ жизни. Были ликвидированы рыбацкие промыслы в Ирбе, школы, магазины и другие учреждения, работоспособные ливы начали покидать эти места. Ливы расселились по всей Латвии, и в ближайшие десятилетия им грозила полная ассимиляция.

В 1970-е гг. ливская интеллигенция, получив поддержку эстонских и латышских деятелей культуры, начала легализовать ливскую культурную жизнь. Были созданы ансамбли “Ливлист” (в Риге) и “Кандла” (в Вентспилсе).

В 1988 г. был восстановлен закрытый в 1940 г. Союз ливов. По его инициативе Советом министров Латвийской Республики в 1991 г. была создана Государственная особо охраняемая историко-культурная территория “Берег ливов”. В 1994 г. начал деятельность Центр ливской культуры.

5. ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЯ

Анализ ситуации свидетельствует, что для сохранения и развития ливского этноса, его языка и культуры, необходим комплекс мероприятий, охватывающий различные сферы: политические решения, разработанные государством или обсуждаемые в обществе программы, уточнение концепций и стратегии, реализация и разработка правовых актов, организационное или административное законодательство, практическая, в том числе финансовая деятельность.

Однако в основе всего лежит формирование отношения, которое базировалось бы на знании и понимании. Формирование отношения включает в себе несколько уровней: отношение государственных учреждений к ливам как второму коренному народу Латвии, отношение латышей к ливам и наоборот – отношение ливов к латышам, отношение ливов к своей национальности, к себе и своему месту в государстве.

В таком ракурсе целевая программа объективно является долгосрочной, так как формирование отношения – медленный процесс, он неподвластен административным решениям.

Финансовое обеспечение целевой программы из государственного бюджета планируется не для всего комплекса действий, но для конкретных мероприятий, проектов и выполнения конкретных функций программ.

Программы действия очерчены с таким расчетом, чтобы охватить различные области действия в латвийском государстве и латышской нации:

- которые важны для сохранения ливского культурного наследия, развития языка, развития современных культурных процессов и замедления ассимиляционных процессов;
- которые важны для образования культурного диалога между ливами и латышами, основанного на взаимном доброжелательном отношении;
- которые важны для укрепления контактов и сотрудничества между самими ливами, формирования осознанной идентичности и свободного развития этноса.

5.1 Защита и использование ливского культурного наследия

Характеристика ситуации

Наследие ливской культуры – это язык, духовная и материальная культура. Они имеют важное значение в поддержании ливского этнического самосознания.

Особенность ливского культурного наследия заключается в том, что оно относительно невелико, фрагментарно, территориально рассеяно не только по Латвии, но и за ее пределами – в Эстонии, Финляндии, Швеции, Германии, России. Это делает культурное наследие особо чувствительным к преобразованиям; низок уровень его защиты от исчезновения. Поэтому в отношении к ливскому культурному наследию недостаточны и не во всем приемлемы те критерии, которые используются в практике защиты культурного наследия в Латвии. Здесь нужно особое и усиленное внимание.

В «Основных постановлениях культурной политики Латвийского государства» (1995 г.) определено, что ливский язык и культурные ценности включены в состав национального культурного достояния Латвии. Однако это – программный документ, к которому необходима программа конкретных действий.

Некоторые памятники материальной культуры ливов в свое время были включены в список культурных объектов, охраняемых государством, но позднее ряд объектов был немотивированно исключен из него.

Ливы в течение столетий жили в латышской среде и соприкасались с другими этносами, в том числе с эстонцами. Поэтому в культуре и языке всех трех этносов сложилось много сходного; подчас этническое происхождение тех или иных элементов можно определить с трудом.

Ливское культурное наследие в Латвии еще недостаточно осмыслено и оценено, и поэтому часто считается малоценным. Нередко оно понимается как латышское культурное наследие, или же объясняется ошибочно, без соответствия с исторической реальностью. Причина тому – не только отсутствие современных и целенаправленных исследований в Латвии, но также то обстоятельство, что значительная часть ливского культурного наследия (особенно материалы по этнографии, фольклору, языку, истории) хранится в архивах и библиотеках других государств, или в личных коллекциях ученых.

Существенная часть ливского культурного наследия – ливский язык, который признан уникальной ценностью национальной культуры Латвии. Ливский язык оказал значительное влияние на развитие латышского языка. Наряду с другими языковыми исследованиями, особенное внимание следует уделить топонимам Латвии, имеющим ливское происхождение; в настоящее время они возвращаются в повседневное обращение. С 1992 г. получена возможность обозначивать топонимы Государственной особо охраняемой историко-культурной территории «Берег ливов» также на ливском языке. Составлен атлас топонимов «Берега ливов», а в энциклопедии «Курземе и курземцы» (Рига, 1995) на стр. 78 размещена карта «Берега ливов»; в опубликованной издательством «Jāņa sēta» в 1997 г. «Карте волостей Дундаги, Иве и Колки» топонимы представлены на латышском и ливском языках.

Ливское культурное наследие осознается во всех ливских областях Латвии – центральной и северной Курземе, западной Видземе и бассейне Даугавы. Особенное внимание уделяется северокурземскому побережью, так как это последняя территория компактного проживания ливов до второй мировой войны, где сохранялись многие материальные ценности ливской культуры и самобытная культурная среда.

С 1991 г. защита ливского культурного наследия в Северной Курземе передана в распоряжение дирекции особо охраняемой историко-культурной территории «Берег ливов». В сотрудничестве с учеными Латвии дирекция «Берега ливов» ведет значительную работу по изучению, оценке и популяризации всего ливского культурного наследия. Однако в ходе времени возникли и многие проблемы (см. Программу действия «Берега ливов»).

Цели

1. Осознать и оценить ливское культурное наследие как составную часть культурного достояния Латвии, одновременно обеспечить его автономию и целостность.

2. Получить по возможности полный каталог ливских исторических и современных культурных ценностей, которые находятся в Латвии (архивах, музеях, институтах, библиотеках, личных коллекциях), а также за границей.
3. Актуализировать и сделать доступным ливское культурное наследие в Латвии, сформировать культурный диалог как основу для взаимопонимания обоих коренных народов Латвии.
4. Обеспечить сохранение, защиту и уход за ливским культурным наследием и культурными памятниками во всех ливских областях Латвии.
5. Способствовать международному сотрудничеству с государствами, которые традиционно заинтересованы в исследовании и сохранении ливского культурного наследия, а также с государствами, в которых имеются меньшинства, находящиеся под угрозой исчезновения.

Действия

1. Разработать стратегию и план мероприятий по защите ливского культурного наследия, учитывая, что оно находится и в Латвии, и вне ее пределов.
2. Осмыслить ливское культурное наследие и разработать его общий каталог.
3. Разработать список и классификацию культурных памятников, важных для ливской культуры, разработать план мероприятий по сохранению памятников.
4. Сохранять ливское культурное наследие в важнейших библиотеках государства, там, где это необходимо, выделить его в особую классификационную единицу.
5. Сохранять ливское культурное наследие в государственных и муниципальных музеях, выделив его как отдельный раздел или тему.
6. Создать хранилище ливского культурного наследия (библиотеку, архив, каталоги, базу данных и др.); разработать ее концепцию.
7. Выработать стратегию и условия для возрождения топонимов ливского происхождения.
8. Документировать жизнеописания и воспоминания людей ливского происхождения.
9. Разработать план защиты и развития ливской культурной среды (рыбачьи поселки на северо-курземском побережье, отдельные постройки и их комплексы в ливских областях, культурный ландшафт).
10. Установить памятные знаки в тех местах Латвии, которые связаны с важными событиями жизни и деятельности ливов.
11. Разработать особую программу культурного туризма, которая была бы связана с ливским культурным наследием в целом и с регионами, важным признаком которых является ливское культурное наследие.
12. Участвовать в выработке концепций законопроекта «О национальном культурном наследии», а также закона о культурных автономиях меньшинств Латвии.

Реализация

Реализация программы действий связана:

1. с научно-исследовательской работой как необходимой основой концепций, программ и планов (теоретическая основа и прикладные решения): это могут выполнять институты Латвийской Академии Наук, структурные единицы Латвийского университета и дирекция «Берега ливов»;
2. с деятельностью институций и финансовой поддержкой государства (Министерство культуры, Министерство образования и науки, Министерство сообщения, Министерство права, Министерство защиты окружающей среды и регионального развития);
3. с деятельностью и поддержкой со стороны конкретных местных органов управления (на уровне волостей, городов и районов);
4. с деятельностью ливских общественных организаций и дирекции Особо охраняемой историко-культурной территории «Берега ливов» (в перспективе – Ливского института).

В большинстве случаев необходим междисциплинарный подход, поэтому **желательно использовать метод рабочих групп.**

5.2. Ливский язык

Характеристика ситуации

Ливский язык – древний, он существует, по крайней мере, две тысячи лет. На уровне разговорного языка до настоящего времени его поддерживает немногочисленная группа людей. Ценность ливского языка признана как в Латвии, так и зарубежом. Ливский язык важен для:

- исследователей латышского языка, как языка, на который он оказал значительное влияние;
- исследователей финно-угорских языков, так как ливский язык – один из прибалтийско-финских языков, сохраняющий архаические особенности;
- всех лингвистов, как объект взаимодействия финно-угорских и индоевропейских языков.

Таким образом, можно считать, что ливский язык как культурное наследие значим в широком ареале, не только в Латвии. Ливский язык занесен во многие международные списки редких языков, языков, находящихся под угрозой исчезновения, в том числе в список ЮНЕСКО (куда внесены 94 языки и диалекта Европы). Сохранение ливского языка в Латвии в настоящее время зависит от языковой политики государства. Языковое законодательство Латвии не обеспечивает сохранение лив-

ского языка в конкурентных обстоятельствах, хотя и обозначает перспективы развития ливского языка (Закон о языке, 1992).

Ливский язык документирован уже с 1789 г., но более полноценно – с 1846 г. Большая часть материалов находится в личных коллекциях (главным образом, за границей) и в иностранных архивах, поэтому его исследования до сих пор велись вне Латвии (за исключением взаимоотношений между ливским и латышским языками). Вне Латвии находятся также наиболее полные собрания образцов ливского языка, издана большая часть исследований и книг на ливском языке.

Ливский язык – один из главных этнических признаков ливов, он выполняет функции этнического символа, хотя в настоящее время большинство ливов уже не знает ливского языка.

Ливский язык никогда не был официальным языком учреждений или школы, он использовался только в семье, в быту. До сих пор единственной мотивацией изучения и использования ливского языка является этническое самосознание или уважение ко второму коренному народу Латвии.

Чтобы язык существовал, необходима возможность говорить на нем, читать и слушать. Поэтому следует создать все предпосылки для увеличения круга людей, владеющих ливским языком, а также для увеличения сферы его использования.

С 1989 г. работают воскресные школы, где преподают ливский язык, с 1992 г. ежемесячная газета «Ливли» публикует материалы по ливскому языку. На ливском языке вышли три номера журнала «Ыва», в 1998 г. вышел ливский поэтический сборник с параллельными текстами на латышском языке, Центр ливской культуры издал ливско-латышско-ливский словарь, Союз ливов издал ливско-латышско-английский разговорник, подготовлены для публикации и другие учебные материалы.

Тем не менее, этого все еще недостаточно. Чтобы сохранить в Латвии этот древний язык, необходимо выработать и реализовать программу возрождения ливского языка. Это привлекло бы внимание лингвистов всего мира, подняло бы престиж Латвийского государства.

Цели

1. Создать благоприятные политические, экономические и психологические факторы для возрождения ливского языка.
2. Расширить круг людей, владеющих ливским языком.
3. Обеспечить постоянное научное изучение ливского языка и бережное к нему отношение в Латвии.
4. Обеспечить доступность материалов по ливскому языку и его исследованиям в Латвии.

Действия

1. Создать комиссию по языку в Ливском институте.
2. Разработать концепцию публикаций на ливском языке, государственных телевизионных и радио программ.
3. Создать в Латвии специализированный архив и библиотеку, где были бы доступны те материалы и исследования по ливскому языку (или их копии), которые собраны или изданы в других государствах.
4. Учитывая специфику ливской письменности и современные требования, создать соответствующую техническую базу (компьютеры, программы и т.д.).
5. Финансировать различные мероприятия, связанные с развитием ливского литературного языка: разработку нормативной грамматики ливского языка, материалов по терминологии, лексикографии и т.п.
6. Документировать знания людей, владеющих ливским языком.

Реализация

Разработка и реализация программ действий связаны:

1. с научно-исследовательской работой и обобщением международного опыта: это могут проводить институты Латвийской Академии Наук, структурные единицы Латвийского университета, специалисты «Берега ливов» (в перспективе – Ливского института), приглашенные иностранные специалисты;
2. с работой и финансовой поддержкой со стороны государственных учреждений, связанных с Министерством образования и науки, с Отделом по делам национальностей Министерства права, с Министерством культуры, с советом национального радио и телевидения и др.;
3. с деятельностью и поддержкой местных органов самоуправления (на уровне волостей, городов и районов);
4. с деятельностью ливских общественных организаций.

Программа действия «Ливский язык» связана с прочими программами действия. Основную часть в финансовом обеспечении должна занимать бюджетная целевая дотация государства.

Для реализации программы действия будут необходимы дополнения к законам и государственным программам Латвийской Республики, так как здесь предусмотрены так называемые особые действия, которые определены в международных документах и затрагивают права лингвистических меньшинств.

5.3. Образование

Характеристика ситуации

В документе Конференции о человеческом измерении на встрече в Копенгагене (в 1990 г.) было определено, что государствам следует признавать и обеспечивать правовое равенство людей, принадлежащих к меньшинствам, по сравнению с прочими жителями государства, следует уважать и поддерживать стремление этих людей сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую и религиозную идентичность. Для этой цели следует создавать объединения и организации, а также следует обеспечивать обучение языкам, культуре и истории меньшинств. В Гаагских рекомендациях о правах национальных меньшинств на образование (1996 г.) указано, что права национальных меньшинств на сохранение своей идентичности могут быть реализованы только тогда, если в их образование будет входить возможность подобающим образом изучить родной язык. Таким образом, согласно рекомендациям международных организаций, ливы как коренной народ Латвии и уникальное меньшинство имеют право на гарантированное государством изучение родного языка, культуры и истории.

Культурная автономия национальных меньшинств в Латвийской Республике с 1918 по 1940 г., прежде всего, заключалась в предоставлении национального образования. Согласно законодательству Латвийской Республики того времени, 30 детей любой национальности в одной местности могли образовывать отдельный класс, а 60 – национальную школу. Этому требованию не соответствовали ни одна школа или класс в волости Анце и Дундаги, хотя в отдельных школах удельный вес ливских учеников еще в 1935–36 гг. в ходе учебного года составлял от 22 до 55%. Ливский язык изучался как факультативный предмет в приморских школах Северной Курземе в период с 1923 по 1938 гг. Первая специальная ливская книга для школьных нужд – «Книга для чтения в школе и дома по родному языку» П. Дамберга – была издана в Финляндии (Хельсинки) в 1935 г., но Министерство образования разрешало использовать ее только в ходе 1939–40 учебного года.

После второй мировой войны культурная автономия меньшинств не была разрешена. Не существовало системы этнического образования. В 1980 г. на кафедре Латышского языка Латвийского университета удалось опубликовать учебное пособие для студентов – составленную П. Дамбергом и Т. Карма книгу «Ливские народные песни» с переводами на латышский язык, краткими сведениями о письменном ливском языке и с небольшим ливско-латышским словарем.

В период национально-культурного возрождения ливская интеллигенция возродила самоуправление национальной культурой и начала образовывать основы этнического образования, которое охватывало бы все возрастные группы. В связи с положением о воскресных школах национальных и этнических групп Латвийской Республики (1989, 1991), была создана воскресная школа ливского языка в Риге, существовавшая с 1989 по 1995 г. С 1990 г. студентам Филологического факультета Латвийского университета читается лекционный курс «Введение в ливскую филологию», в ходе которого дается также обзор культурной истории ливов.

В 1992 г. дирекция «Берега ливов» открыла воскресные школы по ливскому языку и истории культуры в Вентспилсе, Колке и Мазирбе, которые работали до 1998 г. С 1992 г. «Берег ливов» организует в Мазирбе ежегодные летние детские и юношеские лагеря, объединяющие детей и молодежь ливского происхождения. В 1999 г. дирекция «Берега ливов» возродила воскресную школу с ливским языком в Риге. Для студентов ливского происхождения «Берегом ливов» основана стипендия, в период с 1992 по 1994 гг. учителя ливского языка могли претендовать на премию М. Лепсте.

По инициативе дирекции «Берега ливов» в течение нескольких лет в Колкской средней школе и в начальной школе в Мазирбе в учебный процесс входили ливский язык и история культуры ливов. С 1995 г. на факультете Иностранных языков Латвийского университета существует финно-угорская программа, в рамках которой наряду с финским и эстонским языком можно изучить основы ливского языка, и читается курс «Введение в историю культуры ливов». В 1999 г. для заинтересованных студентов Академии культуры Латвии преподавались основы ливского языка.

В рамках культурной автономии для учебных целей в 1991 г. были изданы составленные В. Шувцане «Ливские тексты» и подготовленный В. Шувцане и Э. Жагаре латышско-ливский разговорник. Начиная с 1992 г. в издаваемой «Берегом ливов» ежемесячной газете «Ливли» публикуется уголок по ливскому языку, который готовит Т. Карма. В 1994 г. в Мазирбе в компьютерной верстке вышло подготовленной Зоей Силе учебное пособие «Первые уроки ливского языка». В 1998 г. Центр ливской культуры издал сборник ливской поэзии «Я хитрее тебя, треска!» В 1999 г. вышли составленный В. Эрнштрейтсом ливско-латышско-ливский словарь и латышско-ливско-английский разговорник И. Эрнштрейте и В. Шувцане. Для занятий по истории культуры ливов можно использовать вышедшие в 1990-е гг. книги и энциклопедические издания (около 15 наименований) и более чем 200 научных и научно-популярных статей в различных изданиях, например, в ежемесячной газете «Берега ливов» «Ливли» и в «Ливских ежегодниках».

В 1994 г. вышло вспомогательное методическое учебное пособие для учителей «Культура национальных меньшинств в Латвийской Республике (1920–30-е гг.)», подготовленное П. Зейле. В 1996 г. Отдел по делам национальностей Министерства права издал информационный материал «Национальные и этнические группы в Латвии» на латышском, английском и русском языках. В 1998 г. вышло экспериментальное методическое пособие для школ «История малочисленных народов в Латвии».

До сих пор не издана ни одна учебная книга по ливскому языку. Не вышла также ни одна учебная книга по истории и истории культуры ливов. В Латвии не хватает людей, способных преподавать ливский язык и историю культуры в учебных заведениях различного уровня. Не решен вопрос по подготовке квалифицированных преподавателей ливского языка, учебных и методических пособий. Не обеспечена возможность для всех заинтересованных лиц изучать ливский язык и историю культуры на местах постоянного проживания. Как свидетельствует ответ Министерства образования и науки рабочей группе целевой программы «Ливы Латвии», система образования Латвии не предусматривает изучение ливского языка, истории и истории культуры.

Цели

1. Обеспечить возможность изучения ливского языка и истории культуры для всех заинтересованных лиц на всех образовательных уровнях.
2. Включить материал о ливах и их культуре, о взаимодействии между ливской и латышской культурами и основы ливского языка в соответствующие учебные курсы.
3. Издать учебные пособия и подготовить педагогов.
4. Создать систему поддержки обучения ливскому языку.

Действия

1. Выработать концепцию для пополнения системы образования (включая дошкольные учреждения, начальные, основные, средние и высшие школьные учреждения, а также образование для взрослых и дополнительное образование), чтобы любой житель ливского происхождения и любой заинтересованный представитель другой национальности имел возможность изучать ливский язык и историю культуры ливов.
2. Разработать предложения по включению истории, культуры, языка, фольклора и литературы ливов в соответствующие учебные программы курсов и учебные пособия; выработать методические материалы для преподавания и подготовки педагогов.
3. Принять законы о включении ливского языка и истории культуры в программы исследования балтийских языков.
4. Выработать концепцию об использовании телевидения и радио для популяризации ливского языкового, исторического и культурного наследия.

Реализация

Детальная разработка и реализация программы действия связаны:

1. с научно-исследовательской работой и обобщением международного опыта: это могут проводить структурные единицы Латвийского Университета и местных высших школ, специалисты «Берега ливов» (в перспективе – Ливского института);
2. с деятельностью государственных институтов власти и с финансовой поддержкой, что связано с Министерством образования и науки, с Министерством культуры;
3. с деятельностью и поддержкой со стороны органов местного самоуправления (на уровне волостей, городов и районов);
4. с деятельностью ливских общественных организаций.

Для финансирования программы действия используются бюджетные средства государства и органов местного самоуправления. Некоторые задачи возможно финансировать в рамках международных проектов.

Для реализации программы действия будут необходимы изменения и дополнения в законах Латвийской Республики и государстве, и в национальных программах, так как здесь предусмотрены т.н. особые мероприятия, которые зафиксированы в международных документах и затрагивают языковые права меньшинства.

5.4. Научные исследования

Характеристики ситуации

Исследования в Латвии до сих пор были в основном ориентированы на объяснение этнической истории и истории культуры. Археологи Латвии исследовали самые значительные ливские поселения и могильники вдоль Даугавы от Риги до Айзкраукле, в комплексе древних поселений Турайды, в некоторых могильниках и городищах Северной Курземе. Этнографы проводили начальное исследование в ливских областях Западной Курземе, исследовали также ливские поселки Северной Курземе. Диалектологи исследовали ливские диалекты Курземе и Видземе. После 1991 г. активно возобновилась исследовательская работа на северокурземском побережье, на территории «Берега ливов».

Тем не менее, в целом в распоряжении ученых имеется мало информации и материалов о ливских областях Латвии. Это замедляет проведение широких сравнительных исследований, в том числе современную интерпретацию взаимоотношений ливов и латышей в ходе истории.

Исследования затруднены также тем обстоятельством, что значительная часть архивных материалов и изданий о ливах находится вне Латвии. В настоящее время обработана только небольшая часть зарубежных архивных материалов. Необходимо начать их классификацию, перевести их, издать и создать сводный каталог.

Тематика и объем научной работы отражаются в научных публикациях. В целом их мало, главным образом они связаны с археологией и этнографией. В 1994 г. издательство «Наука» выпустило сборник статей «Ливы», в которых вошла разнообразная информация о ливах. Тем не менее, в Латвии до сих пор не издано ни одно обобщающее исследование о ливском языке, фольклоре, образе жизни, культуре, этнической истории. Материалы по научным исследованиям регулярно публикуются в ежемесячной газете «Ливли», что делает их широко доступными.

Тем не менее, не проводятся комплексные исследования исторического пути развития ливского этноса и его культуры, культурно-исторических связей ливов, современной ситуации, перспективах на будущее. В последнее время особо интересным представляется исследование изучение культурно-исторической среды ливских областей, так как здесь имеются материальные и нематериальные свидетельства о развитии образа жизни и культуры, о взаимовлияниях между ливами и латышами. В перспективе на будущее существенны социально-психологические исследования, которые помогли бы лучше понять отношение самих ливов к своему прошлому, настоящему и будущему.

Упомянутые исследования могли бы стать хорошим основанием для включения в международные проекты, в проекты межгосударственного сотрудничества с финно-угорскими государствами и государствами, где актуальным является вопрос по сохранению редких языков.

Цели

1. Обеспечить широкую и всестороннюю работу для разъяснения хода развития ливского этноса и его культурной истории во все исторические периоды, познать культурно-исторические, этнические и лингвистические связи ливов и латышей, их языковое и культурное взаимодействие.
2. Создать основу исследовательской работы, которая объединяла бы организаторское, практическое и финансовое обеспечение.
3. Привлечь к исследованиям и программам ученых различных областей.
4. Издавать сборники первоисточников, научные и научно-популярные книги, используя исследования и источники, находящиеся как в Латвии, так и за ее пределами.

Действия

1. Раздел по научным исследованиям программы «Ливы Латвии», в том числе – подготовку научных кадров, включить в состав программ приоритетного финансирования в Латвии.
2. Привлечь к научным исследованиям зарубежных специалистов (из Эстонии, Финляндии, Венгрии, Швеции, России, Германии).

Реализация

1. Финансовое обеспечение связано с Научным советом Латвии, с программами Министерства по образованию и науки Латвийской Республики, а также с поддержкой со стороны органов местного самоуправления и предпринимателей.
2. В ход научных исследований нужно включать подразделения и институты Латвийской Академии Наук, структурные единицы Латвийского Университета, а также Ливский институт, специалистов и студентов высшей школы (из Вентспилса, Валмиеры), государство и муниципальные музеи.

5.5. Современные культурные процессы

Характеристика ситуации

Осознанный процесс формирования ливской этнической культуры начался после первой мировой войны. Были созданы хоры, основаны культурные общества, началась сравнительно активная издательская деятельность, сложились хорошие культурные связи с общественными организациями Эстонии, Финляндии.

С лета 1940 г. до начала 1970-х гг. ливский культурный процесс протекал как слияния ливской культурой с культурой Латвии. Ливская этническая культурная жизнь активизировалась после Ливских дней, прошедших в 1969 г. в Эстонии (Вильянди) и осенью 1970 г. в Латвии (Лиелупе). Это поспособствовало так называемому третьему возрождению в культурной истории ливов: в 1972 г. были созданы ансамбли ливской песни «Кандла» и «Ливлист», которые стали центрами общественной и культурной жизни ливов. Здесь изучали ливский язык, историю культуры, начались целенаправленное изучение традиций, обрядов, народных песен, народного костюма и т.п. Началась активная концертная деятельность. Культурную и общественную жизнь ливов активно поддержали эстонские и латышские ученые, работники искусства и культуры.

Особенно разносторонне и интенсивно ливский культурный процесс расцвел в период национально-культурного возрождения (*Атмоды*), после возрождения ливских культурных обществ и образования «Берега ливов». Началась традиция Ливских праздников, возродили издательскую деятельность, воскресные школы с обучением ливскому языку, продолжалась активная концертная деятельность, с 1990 г. на латвийском радио раз в месяц начала звучать передача «Исходил я землю ливов» и др.

Самоуправление ливским культурным процессом гарантировал закон от 19 мая 1991 г. «О свободном развитии и правах на культурную автономию национальных и этнических групп Латвии». В законах и концептуальных документах государство декларировало защиту ливского языка, топонимов

мов и культурно-исторической среды; ливский язык и культурные ценности были включены в состав национального культурного достояния Латвии.

С 1995 г. сложилось ощутимое противоречие между имеющимися возможностями, с одной стороны, и начисленным на них финансированием из госбюджета по программе «Берега ливов» – с другой. Ситуацию не могли исправить и участие в конкурсах общественных фондов, и пожертвования спонсоров. Каждый год уменьшалась дотация государства на издания, уменьшалась финансовая поддержка научным исследованиям и концертной деятельности.

Цель

Обеспечить благоприятные условия и необходимые ресурсы для непрерывного ливского культурного процесса и сохранения национальной самобытности.

Деятельность

1. Поддерживать творчество ливских любительских и профессиональных творческих коллективов.
2. Обеспечить финансирование культурных программ ливских общественных организаций.

Реализация

1. Для перечисленных видов деятельности необходимо выработать концепцию и систему длительной поддержки.
2. Финансовая поддержка должна происходить из источников: целевой бюджетной дотации, бюджета местных органов самоуправления, фондов, пожертвований спонсоров и др.
3. К разработке и реализации программы действий следует привлечь Министерство культуры, Министерство права, Министерство образования и науки, органы местного самоуправления, ливские общественные организации, Ливский институт, неправительственные организации, неправительственные и правительственные организации родственных ливам народов и др.
4. Программа действий «Культурные процессы» связаны с прочими программами действия, а также со многими государственными и международными программами.
5. Для реализации необходимы дополнения в ряд законов Латвийской Республики, в концептуальные документы и государственные программы, так как здесь предусмотрены т.н. особые мероприятия, содержащиеся в международных документах.

5.6. Общественные отношения

Характеристика ситуации

Латвийское государство находится в специфической ситуации, так как на его территории живут два коренных народа – латыши и ливы, которые вместе с другими меньшинствами Латвии образуют мультикультурное пространство. Культурное многообразие – национальное богатство Латвии, оно стимулирует взаимную толерантность и общественную интеграцию.

В обществе сохранился интерес к ливам и ливскому, который возрос со времени национально-культурного возрождения с конца 1980-х гг. Его стимулирует деятельность ливских неправительственных организаций, художественная самодеятельность ансамблей в Латвии и за ее пределами, развитие профессионального искусства, активизация научных исследований и издательской деятельности, а также образование «Берега ливов» и деятельность его дирекции.

Активность ливов, равно как и возникшие в ходе времени проблемы достаточно широко отражены в программах действий, изложенных выше.

Важнейшая задача настоящего времени – усовершенствование взаимоотношений, образование взаимопонимания, что основывается на знаниях и личном опыте. Отношение к ливам как к древнему коренному народу со своим языком и культурным наследием следует формировать и на государственном уровне.

Культурное и историческое наследие ливов, образцы их культурно-исторической среды, современная деятельность могут стать важными элементами в краеведческих программах Латвии. В особенности это относится к местным самоуправлениям Северной Курземе и Западной Видземе.

Ливы и ливское в наследии культуры Латвии – существенный признак образа Латвии. Поэтому нужно использовать все средства, чтобы информировать об этом не только латвийское, но и международное сообщество. Нужно сделать узнаваемыми ливские национальные цвета, флаг, ливский гимн и другие символы.

Цели

1. Создать доброжелательные отношения между двумя коренными народами Латвии – как на индивидуальном уровне, так и на уровне организаций и государственных учреждений.
2. Способствовать осознанию ливской идентичности, интегрированности потомков древних ливских родов в ливский культурный процесс и в ливскую среду.
3. Широко и объективно информировать общество об истории, культуре, языке ливов и их роли в истории, культуре и языке латышей.

Действия

1. Выработать программу действия, методические и информационные материалы для создания ливского информационного центра, а также для привлечения существующих в настоящее время центров регионального туризма, регионального развития и др. к деятельности по реализации государственной целевой программы «Ливы Латвии».
2. Разработать долгосрочную программу координации действий, предполагающую проведение тематических семинаров, конференций, выставок, конкурсов и других мероприятий (в Риге, в различных областях Латвии, за рубежом).
3. Ливскую тематику включить в информационные материалы, подготавливаемые в рамках создания образа Латвии.
4. Издать на нескольких языках ряд информационных материалов (брошюр, буклетов, открыток и др.), необходимых для туристов, которые были бы связаны с историей, образом жизни ливов; эти материалы следует размещать на стендах Латвии на выставках по международному туризму и др.
5. Принять закон о внесении сведений о ливах в официальную государственную статистику, и о выделении данных о численности ливов и других данных о них из рубрики «другие народы».

Реализация

1. Реализация программы действия – длительный процесс, в котором нельзя достичь мгновенного эффекта, однако разумное руководство им – гарант реализации целевой программы «Ливы Латвии».
2. К разработке отдельных концепций, программ действия и информационных материалов следует привлечь «Берег ливов», институты Латвийской Академии Наук, структурные единицы Латвийского Университета, региональные высшие школы, государственные и муниципальные музеи, ливские общественные организации. Координирующую функцию может выполнять Ливский институт.
3. Необходимо сотрудничество с Советом Национального радио и телевидения, Министерством культуры, Министерством защиты окружающей среды и регионального развития, Министерством права, библиотеками, а также с Институтом Латвии.
4. Для развития форм деятельности необходима государственная и муниципальная поддержка в виде дотаций, особенно на начальной стадии, когда еще не сложилась общая система действий и руководство ею.

5.7 Программа деятельности «Берега ливов»

Характеристика ситуации

Особо охраняемая государством ливская историко-культурная территория «Берег ливов» создана законом Совета министров Латвийской Республики № 40 от 4 февраля 1991 г. 25 октября 1991 г. решением № 289 Совета министров было подтверждено установление о создании «Берега ливов», и были создана дирекция. Оба решения определили главные задачи, реализуемые на охраняемой территории, а также их исполнителей и механизм исполнения. В положении о «Береге ливов» были определены функции его дирекции, прямо связанные как с охраняемой территорией, так и с развитием ливского культурного наследия, языка, истории, с сохранением идентичности ливского этноса. Оба закона Совета министров были связаны с преамбулой и четвертым разделом закона Латвийской Республики «О свободном развитии и правах на культурную автономию национальных и этнических групп Латвии».

Первоначально дирекция «Берега ливов» была подчинена Совету народных депутатов Талсинского района, затем – Министерству по делам права, с 1995 г. находится в ведомстве Министерства сохранения окружающей среды и регионального развития. Методическое руководство «Берегом ливов» с момента его формирования проводит Отдел по делам национальностей (до реорганизации – Департамент по делам национальностей) Департамента общественных и религиозных дел Министерства права.

Финансирование «Берега ливов» (код 020) осуществляется в рамках подпрограммы 0901 «Берег ливов» программы 09 «Дотация». Государственная функция 08290 «Дотации для финансирования культурных обществ и культурных мероприятий». Ежегодный бюджет примерно в 28 000 латов (в 1999 г. – 33000 латов) не предусматривает выполнять все функции, предусмотренные в положении о «Береге ливов», и недостаточен для этих целей.

Необходимая для образования этой уникальной для Латвии охраняемой территории деятельность началась в 1989 г. и была связана с идеями времен национально-культурного возрождения (Атмоды). Общие цели и задачи охраняемой территории, как и функции дирекции, были сформулированы перед обретением Латвией независимости, но они не были скорректированы. В настоящее время стало очевидным их несоответствие принятым позднее законодательным актам.

На северокурземском побережье находятся две особо охраняемые территории: «Берег ливов» и Слитерский заповедник (основанный в 1921 г.) Их территории и функции частично пересекаются. Для того, чтобы оптимизировать сохранение специфического природного и культурно-исторического наследия северной Курземе, с 1994 г. много раз обсуждалась возможность объединения «Берега ливов» и Слитерского государственного заповедника, и создания Национального парка Северной Курземе.

В настоящее время большая часть ливов живет за пределами приморской территории Северной Курземе. Исторически же ливы проживали на более широком пространстве. Поэтому дальнейшее сохранение одной только особо охраняемой государством культурно-исторической территории «Берег ливов», как и образование национального парка, не могут заменить ту деятельность, которая необходима для разрешения всех актуальных для ливского этноса проблем в Латвии.

Цели

1. Обеспечить сохранение на территории «Берега ливов» природного и культурного наследия.
2. Способствовать включению природного и культурного наследия северокурземского приморья в процессы развития, обеспечить сохранение культурно-исторической среды и гармоничное развитие.
3. Обеспечить постоянство и преемственность той деятельности, которую с 1991 г. реализует дирекция «Берега ливов», как в рамках культурно-исторической охраняемой территории, так и вне ее пределов, способствовать комплексному исследованию, сохранению, популяризации ливского культурного наследия, которое следует увязать с современными культурными процессами.

Деятельность

Перечисленные цели можно реализовать двумя способами:

- сохраняя «Берег ливов» как особо охраняемую государством территорию и культурную программу, или
- на основе «Берега ливов» и Слитерского заповедника образовать Национальный парк Северной Курземе, существенной составной частью которого было бы сохранение культурно-исторической среды.

Достижение целей – вопрос времени: пока идет выработка основ Национального парка, продолжается обсуждения в органах местного самоуправления, целесообразно сохранять нынешний статус «Берега ливов».

Если не будет образован Национальный парк Северной Курземе, то дальнейшее существование «Берега ливов» является принципиально важным для сохранения ливского культурного наследия. В таком случае, нужно разработать новое положение о «Береге ливов», точнее отделить его функции, которые должны быть связаны только с сохранением и упорядочиванием природного и культурного наследия северокурземского приморья, и должны быть отделены от хозяйственных задач, которые находятся в компетенции местных властей. Функции, выполняемые «Берегом ливов» в настоящее время, которые связаны с поддержанием ливской этнической идентичности, следует передать Ливскому институту.

Независимо от того, какое решение будет принято в отношении будущего статуса и условий существования «Берега ливов», необходимы следующие действия.

1. Образовать консультативный общественный совет «Берега ливов».
2. Образовать комиссию экспертов на территории «Берега ливов» для определения, оценки и охраны объектов народного строительства.
3. Образовать постоянно действующий экспертный совет по вопросам строительства.
4. Разработать рекомендации, как связать природное и культурное наследие приморья с процессами местного развития.
5. Занести «Берег ливов» в план национального развития Латвии как охранную территорию национального значения.
6. Подготовить и провести изменения, дополнения и поправки распоряжение Министерства культуры № 128. «О списке культурных памятников, охраняемых государством».
7. Для создания благоприятных условий развития культурного и природного туризма, образовать в Мазирбе и Колке сезонные туристические информационные центры.

Реализация

Реализация программы действия связана с Министерством охраны окружающей среды и регионального развития, Министерством права, Министерством культуры и с органами местного самоуправления Северной Курземе.

Необходимо сотрудничество с Латвийской Академией Наук, высших школ Латвии, музеями, профессиональными организациями.

6. ПРОГНОЗЫ

Долговременная программа «Ливы Латвии» – интегральная концептуальная программа, которая затрагивает все сферы жизни. Содержательно она связана со многими другими национальными программами, с концепцией региональной политики развития (1996 г.), и др. В самой тесной связи она находится с создаваемой программой по общественной интеграции и Национальной программой «Культура» (2000-2010). В целом эти государственные программы дают гарантию тому, что реализация программы «Ливы Латвии» не останется делом одних только ливов.

Тем не менее в этой связи нужно отметить, что общество Латвии не достаточно хорошо информировано о ливах как втором коренном народе страны. Это может повлиять на принятие решения; существует вероятность, что принятие и реализация программы «Ливы Латвии» могут быть задержаны из-за различных причин.

Вследствие этих причин можно прогнозировать два варианта развития:

- оптимистический – если программы принимается и начинается ее последовательная реализация;
- пессимистический – если программу не принимают, или если в ходе обсуждения ее сокращают до такой степени, когда она теряет свой смысл.

Оптимистический прогноз

Государственная долгосрочная целевая программа «Ливы Латвии» принимается, и в 2000 г. начинает работать исполнительная орган программы «Ливский институт». Ожидаемый эффект на национальном и международном уровне заключается в следующем:

- происходят консолидационные процессы внутри ливского этноса, развивается деятельность общественных организаций, все больше потомков старых ливских родов начинает осознавать свою идентичность и официально признавать свою национальность;
- будет сохранен от исчезновения древний коренной народ Латвии, его язык, культура;
- доброжелательное отношение государства к особо малочисленному народу вселит в представителей других меньшинств Латвии чувство уверенности и будет способствовать интеграционному процессу в целом;
- будет сохранено многообразие культур, будет приветствоваться развитие и творческая деятельность других этносов;
- будут проводиться научные исследования, которые помогут прояснить связь и культурные взаимовлияния ливов и латышей в ходе столетий;
- будет создано значительное научно-практическое и культурно-историческое информационное поле о взаимоотношении двух коренных народов, о деятельности латвийского государства по сохранению малого коренного народа, что привлечет общественное внимание других государств и поднимет престиж Латвии;
- усилится представление о Латвии как истинном демократическом государстве, в котором все имеют возможность для свободного развития;
- Латвия будет следовать международным нормам по сохранению культурных ценностей и защите интересов меньшинств;
- Латвия улучшит отношения с Эстонией, Финляндией и другими государствами финно-угорских народов, которые заинтересованы в сохранении ливского этноса;
- Культура, образ жизни и среда обитания ливов смогут стать источником для туризма в международном значении.

Пессимистический прогноз

Государственная долгосрочная целевая программа «Ливы Латвии» не принимается, или в ходе обсуждения ее объем сокращается, отбрасываются виды деятельности, которые кажутся несущественными. В таком случае возможны два варианта дальнейших действий:

- продолжается разработка программы «Ливы Латвии», разыскиваются дополнительные мотивации, к этому процессу привлекаются новые участники;
- сохраняется настоящее неопределенное положение, которое включает в себе конфликты и опасность их разрастания. Дирекция «Берега ливов» стремится выполнять все прежние функции.

Ожидаемые последствия могут быть следующими:

- будет продолжаться ассимиляция ливов, что приведет к безвозвратному исчезновению ливского этноса;
- с потерей возможности сохранить и развить ливское культурное наследие, будет обеднено культурное наследие Латвии;
- в Латвии снизится интерес к ливам – на уровне научных исследований, как к этническому и культурно-историческому явлению; на уровне людей ливского происхождения, как к основе своей идентичности;
- интерес к ливам может возрасти вне Латвии, исследовательская активность может быть перенесена в университеты и институты других государств, и это будет способствовать сохранению ливского культурного наследия, но в иных условиях;
- из финно-угорского информационного пространства исчезнет информация о деятельности ливов в Латвии, о поддержке государством второго коренного народа, которая имела место с конца 1980-х гг., но иссякла к концу 1990-х;
- существенно снизится международный престиж Латвии в финно-угорском мире (в Северных странах, Эстонии, Венгрии, в финно-угорских областях России), в Европейском Союзе и ООН, пострадает престиж национальной политики Латвии;
- возможны нарекания на международном уровне по отношению к латвийскому государству, допустившему исчезновение ливов как культурно-исторически и научно значимого этноса;
- в части общества сохранится и возрастет чувство обиды, неудовлетворенности и недоверия по отношению к государству как к общественному гаранту.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.1.

Зафиксированная в документах численность ливов на территории Латвии до XX в.

(СОСТ. Э. СИЛИС, 1999)

№	Год	Численность	Примечания
I	Начало XIII в.	28000	Тынисон, 1972; не учитывая ливов Курземе
2	Конец XVIII в.	3000	Дунсдорф; источник неизвестен
3	1850	2180	Ревизия душ 1950 г.
4	1852	2324	От Лужни до Мелнсилса
5	1858	Ок.2000	Видеман, от Лужни до Мелнсилса, и 8 ливов Салацы
6	1862	2546	Экспериментальная перепись населения
7	1881	2374	Перепись населения 1881 г.
8	1897	1312	Перепись населения 1897 г., в некоторых источниках – 1500.
9	1911	2400	В Валгама
10	1920	Около 1500	Кетунен; по переписи население – 831 (Адамович)
II	1925	1238	Перепись населения; Скуиниекс, 1927 г.
12	1930	962	Перепись населения
13	1935	944	Перепись населения
14	1943	455	Перепись жителей 1943 г.
15	1948	Около 800	Аристе
16	1959	185	Перепись населения, языком владеют 87
17	1970	48	В переписи населения ливов больше не учитывают, в ряде источников упоминается число 70
18	1979	107	В переписи населения ливов больше не учитывают, в ряде источников упоминается число 139
19	1989	135	Перепись населения
20	1994	204	Данные Департамента по миграциям и гражданству, учтены также умершие
21	1996	201	Данные Департамента по миграциям и гражданству, учтены также умершие
22	1998	188	Данные Департамента по миграциям и гражданству, учтены также умершие
23	1999	185	Данные Департамента по миграциям и гражданству, учтены также умершие

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.2.

ОХРАНЯЕМЫЕ ОБЪЕКТЫ НАРОДНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ
«БЕРЕГА ЛИВОВ»

(СОСТАВИЛ С. ЦИМЕРМАНИС, В 1997 г.)

В ГИПКЕ (ВОЛОСТЬ РОЯ, РАЙОН ТАЛСИ)

- *Усадьба Мулькю* – сохранившая часть большого хозяйства рыбака и земледельца. Объединяет в себе жилой дом, построенный во второй половине XIX в. и перестроенный в 1937-38 гг., в 1988-89 гг. обшит кирпичами; конюшня, построенная в 1924-26 гг.; амбар, построенный в начале XX в.; построенный около 1920 г. сарай для молотбы; хорошо возделанный сад, декоративный сад и деревья, посаженные вокруг усадьбы.
- *Усадьба Йоку* – сохранившая часть большого хозяйства рыбака и земледельца. Объединяет в себе жилой дом, построенный в последней четверти XIX в.; двухкамерный хозяйственный амбар, построенный на рубеже XIX и XX в.; построенный в 1866 г. двухкамерный амбар бобыля – единственный сохранившийся до наших дней подобный объект (находится в плохом состоянии).
- *Усадьба Межмалю* – небольшой жилой дом бобыля, построенный около 1907 г., в 1990-е гг. обустроен под дачу. В Межмалях сохранилась старая система отопления жилых домов ливов.
- Бывшее здание *корчмы Гипки* – в 1850-е гг. здесь работала школа, перемещенная из Жоцене.
- Бывшее здание *морской школы Гипки* – на ее первом этаже 1860 г. работала школа Гипки. В 1867 г. специально для нужд морской школы был надстроен второй этаж. Морская школа тут работала с 1869 до 1894 г., когда ее переместили в Мазирбе.

В ПУРЦИЕМСЕ (ВОЛОСТЬ РОЯ, РАЙОН ТАЛСИ)

- Остатки центральных и боковых построек *Звейникциемса*, и культурный ландшафт вокруг, относящиеся к периоду от середины XIX в. до 1930-х гг. Включает в себя сохранившуюся часть большого хозяйства *Плауцаку* (построенный в 1975 г. жилой дом старого типа, и монументальный амбар, построенный в конце XIX в.); жилой дом в *Виестурах* – в настоящее время несколько перестроенный жилой дом бобыля на четыре семьи, построенный в 1903 г. (единственная сохранившаяся на "Берегу ливов" постройка подобного общественного значения); малый жилой дом *Лашу*; малый жилой дом *Смилкшинеку* (сохранена старая ливская система отопления); малый жилой дом *Упеслею*; малый жилой дом *Вильню*. Вокруг этих усадеб тщательно сохранены естественно выросшие и посаженные деревья.

В МЕЛНСИЛСЕ (ВОЛОСТЬ РОЯ, РАЙОН ТАЛСИ)

- *Смилниеки* – сохранившая часть большого хозяйства рыбака, земледельца и ремесленника: жилой дом, построенный в два приема в последней четверти XIX в. с частями, принадлежащими хозяину и бобылю (сохранились старые элементы постройки); двухкамерный амбар 1907 г. (сохранились старые элементы постройки); трех камерный срубной амбар, построенный в XIX в. (сохранились две камеры) – одна из редких старых срубных построек на территории "Берега ливов".
- Двухкамерный амбар в бывших *Вецежсарегах*. Построен в XIX в. Относится к редким объектам народного строительства в ливских поселках.
- *Сенчи* – оставшаяся часть построек усадьбы лесника: построенный в 1912 г. каменный жилой дом с пристроенной в 1922 г. северной частью – первый каменный жилой дом в рыбацких поселках побережья Дундаги Рижского залива; построенное в 1922 г. хозяйственное здание и посадки того же времени.
- *Калнгали* – жилой дом капитана дальнего плавания. Построен в 1880-е гг. и богато украшен деревянной резьбой.
- *Лайвиниеки* – жилой дом, некогда – малый дом. Построен в последней четверти XIX в., перестроен в 1960-е гг. В 1920-е гг. тут находилась первая ступень начальной школы Мелнсилса (волость Дундаги).
- *Килмини* – жилой дом большого хозяйства рыбака и земледельца. Построен в 1930-е гг. как одно из наиболее современных зданий того времени. После второй мировой войны здание перестроено. Килмини – одно из наиболее старых больших хозяйств в Мелнсилсе.

- *Айзклани* – сохранившая часть большого хозяйства рыболова, и земледельца: жилой дом с час-
тами хозяина и бобыля, построенный в 1880-е гг. и мало перестроенный; построенный в XIX в.
двухкамерный амбар, в котором сохранился старый фундамент; часть хлеба XIX в.
- *Силараи* – комплекс нового хозяйства рыболова и земледельца: построенный в 1931-1935 гг. жи-
лой дом; хозяйственная постройка 1932-1933 гг.; построенная примерно в 1935 г. копильня, по-
саженный примерно в 1933 г., хорошо возделанный фруктовый сад; отреставрированная в 1970-е
гг. система ограждений.

В КОЛКЕ (ВОЛОСТЬ КОЛКИ, РАЙОН ТАЛСИ).

- *Кристгалс* или Кристциемс – остатки ряда малых жилых домов рыбаков. Относятся примерно к
1907 г. и отражает один из типов построек, связанных с усадьбой Дундаги на побережье. Вклю-
чает в себя дома *Циемгалди*, *Кастари*, *Пилаги*, *Сполитес*, *Страутмали*, *Таммани*, *Валки*.
- *Роксти* – комплекс малого жилого дома рыбака: хозяйственная постройка 1902 г.; погреб; хо-
рошо возделанный сад и посадки.
- *Пастниеки* – первое здание начальной школы Колки. Строительство было закончено в 1881 г.
После второй мировой войны перестроено и обшито кирпичами.
- *Летний дом*, а также остатки аллеи и посадок вокруг, принадлежавшие Остен-Сакенам, вла-
дельцам усадьбы Дундаги. Построен в 1856-1857 гг. на месте разрушенного старого здания в пе-
риод Крымской войны. С 1929 до 1962 гг. в здании работала начальная школа Колки.

ВАЙДЕ (ВОЛОСТЬ КОЛКИ, РАЙОН ТАЛСИ).

- *Лажси* – жилой дом большого хозяйства рыболова и земледельца. Построен примерно в 1900 г.
Вокруг него сохранилась старая ливская система ограждения. В 1920-е гг. здесь работала Саунаг-
ская первая ступень средней школы Дундагской волости. Здесь преподавал ливский язык Мар-
тыньш Лепсте. В Лажи родился деятель ливской культуры Ника Полманис, жил знаток ливского
языка Альфонс Бертольдс.
- *Озалиеки* – сохранившаяся часть малого хозяйства рыболова и земледельца: построенный в
1930-е гг. жилой дом; остатки тележного сарая конюшни; два копильни, построенные из частей
разрезанных лодок, система ограждений и небольшой сад. В ходе научных экспедиций здесь жи-
ли широко известные эстонские и финские ученые. В усадьбе можно осмотреть коллекцию
предметов материальной культуры ливов, собранную знатоком ливского языка и культуры Пау-
линой Клявиней.
- *Пурвиеди* – комплекс малого хозяйства рыболова и земледельца. Воздвигнут в 1920-1930-е гг.,
дополнен после второй мировой войны. Сохранена характерная для ливских усадеб старая сис-
тема ограждений. Собрана ценная и разнообразная коллекция рогов, создана экспозиция по ох-
ране природы. Создатель коллекций – Эдгарс Хаусманис, сотрудник государственного Слитер-
ского заповедника, кавалер ордена Трех звезд.

В САУНАГЕ (ВОЛОСТЬ КОЛКИ, РАЙОН ТАЛСИ)

- *Юрниеки* – малые жилые дома лодочника и рыбака, комплекс малого хозяйства ремесленника
1920-30-х гг.: построенные в 1910 г. жилой дом, хлев и амбар; построенная в 1911 г. баня с ко-
пильней.
- *Друвниеки* – комплекс малого хозяйства рыбака и земледельца 1920-х гг.: жилой дом (перестро-
ен в 1990-е гг.), конюшня с сараем и тележным сараем (ремонтирован в 1957 г.), амбар, погреб,
копильня, баня и характерная система ограждений.
- *Вецвалки* – остатки большого хозяйства рыболова и земледельца: жилой дом, построенный в
1926 г. на фундаменте старого дома, с довольно богатым декоративным украшением; построен-
ный в 1928 г. хлев, сарай для кормов и тележный сарай; построенный в 1935 г. зерновой сарай;
каменный картофельный погреб 1910 г.; баня, построенная в 1945 г. на фундаменте старой бани;
воздвигнутая в 1945 г. копильня; амбар, построенный в 1957 г. на фундаменте старого амбара;
липы, посаженные в 1909 г.; посаженные в 1920-30-е гг. ивы и другие деревья вокруг усадьбы.

В ПИТРАГЕ (ВОЛОСТЬ КОЛКИ, РАЙОН ТАЛСИ)

- *Сакнес* – комплекс малой усадьбы рыболова и земледельца, сложившийся в 1920-30-е гг. и
позднее дополненный: жилой дом, хлев, сарай, гараж, копильня. Сохранилась система огражде-
ний.
- *Яунвалки* – жилой дом, построенный в последней четверти XIX в., как дом старосты поселка.
Это единственное сохранившееся до наших дней здание подобного значения.
- *Эдруми* – комплекс малой усадьбы, построенной примерно в 1907 г. как часть уличной застройки:
жилой дом и хозяйственные постройки.
- *Баптистская церковь и дом проповедника.* Приход был основан в 1890 г.

- Сохранившаяся часть усадьбы рыбакова, земледельца и предпринимателя – три жилых дома в *Делниеках*, каждый получивший свое название: *Сапнькални* – жилой дом, построенный примерно в 1900 г и перестроенный в начале 1990-х гг.; *Деониеки* – постройка около 1900 г под магазин и жилище бобыля, модернизирована в 1990-е гг.; *Индриксоны* – жилой дом, построенный в 1910 г. для нужд семьи капитана дальнего плавания, сохранивший признаки древних ливских жилых домов.
- *Кургаты* – сохранившаяся часть комплекса большого хозяйства рыбакова и земледельца: жилой дом, построенный примерно в 1930 г по проекту, что внесло новые формы и элементы в облик построек ливского поселка; остатки хозяйственной постройки последней четверти XIX в.; каменный погреб, построенный в начале XX в.; система ограждения и довольно хорошо ухоженный сад.

В КОШРАГЕ (ВОЛОСТЬ КОЛКИ, РАЙОН ТАЛСИ)

Поселок *Кошрагс* – памятник городского строительства государственного значения (охранный документ № 7447). О его историко-культурном значении свидетельствует также то, что Кошрагс был одним из шести культурных памятников Латвии, которые участвовали в конкурсе на включение в список мирового культурного наследия. Его самые значимые объекты:

- новые хозяйства 1920-30-х гг. *Валдамо* и *Вирго*.
- Малая усадьба начала XX в. *Филмани*.
- *Андули* – большое хозяйство, постройки которого воздвигнуты период от 1860-х гг. до начала XX в.
- *Тилмачи* – жилой дом, конюшня и амбар (сохранилась часть) старого большого хозяйства второй половины XIX – начала XX в.
- *Норпиедаги* – амбар малой усадьбы, построенный примерно в 1906 г.
- *Силкални* – жилой дом малой усадьбы, построенный примерно в 1906 г.
- *Аллея*, ведущая вдоль Тилмачей от центра поселка до побережья (деревья посажены в 1912 г.).

В МАЗИРБЕ (ВОЛОСТЬ КОЛКИ И ДУНДАГИ, РАЙОН ТАЛСИ)

- Усадьба священника в Мазирбе – жилой дом и хозяйственная постройка, воздвигнутые в XVIII – первой половине XIX в. Сохранилась также часть аллеи и парка. Возможно реставрировать весь комплекс усадьбы священника.
- *Андерсати* (также *Андерсарти*) – комплекс нового хозяйства рыбакова и земледельца. Жилой дом и хлев с сараем для кормов построены в 1923 г., погреб для хранения овощей – в 1925 г., баня с копильней – в 1927 г.
- *Браускас* – сохранившаяся часть усадебного комплекса земледельца и владельца кирпичной мануфактуры: двухкамерная клеть, построенная в 1873 г. (в аварийном состоянии), жилой кирпичный дом 1908 г., воздвигнутая на рубеже XIX-XX в. кузница, каменный хлев с въездным мостом, построенный примерно в 1920-е гг., каменный амбар 1908 г., каменная баня 1930-х гг. Браускас – единственный комплекс земледельца и мануфактурщика на территории “Берега ливов”.
- *Силини* – комплекс усадьбы земледельца, рыбакова и лодочника, содержащий постройки первой трети XX в. – жилой дом, конюшню, сарай для молотбы, амбар, погреб. Усадьба показывает принцип размещения зданий и обустройство старого большого хозяйства.
- *Кестери* – родовой дом, комплекс жилых и рабочих помещений семьи Сталте – рода причетников церкви в Мазирбе, и в том числе ливского поэта, культурного и общественного деятеля Карлиса Сталте (1870-1947 г.). Настоящий облик усадьбы сложился в конце XIX – начале XX в.
- *Судрабкални* – бывшая аптека А. Линде, до 1987 г. – амбулатория, в настоящее время – средняя школа.
- *Гундегас* – жилой дом рыбака. Один из первых домов, построенный в 1930-е гг. по проекту.
- *Капиши* – сохранившаяся часть комплекса усадьбы рыбака и капитана Штефенберга: жилой дом из красного кирпича (производства кирпичной мануфактуры Браускас) и с застекленной верандой; построенная из распиленных частей лодок копильня и сад со старой жердяной изгородью.
- *Сепи (Интас)* – усадебный комплекс: жилой дом, амбар и погреб, построенный около 1925 г., как новое хозяйство прибывшей в Мазирбе семьи эстонского рыбака и плотника с Сааремаа Екаба Яга.
- *Зембахи* – усадьба Валдиса Зембаха, рыбака и руководителя в 1920-30-е гг. кооператива рыбаков Мазирбе. Обустроена как новое хозяйство в 1920-30-е гг.: жилой дом, конюшня, копильня, построенная из разрезанных лодок, хорошо возделанный яблоневый сад.

В СИКРАГЕ (ВОЛОСТЬ КОЛКИ, РАЙОН ТАЛСИ)

Поселок *Сикрагс* – памятник городского строительства государственного значения (охранный документ № 7448). Граница памятников городского строительства проходит по границе Кельки, Яунк-

лаву, Киласидаму, Винамегу, Базницкална и Велвалка, охватывая эти дома и территорию между ними.

- **Объекты центра поселка:** жилой дом *Яунклаву* – построен примерно в 1900 г., с его появлением в ливских поселках сложился новый улучшенный вариант планировки зданий – жилое помещение устраивали на верхнем этаже, застекляли веранды и другие нововведения; комплекс усадьбы *Келькю* – жилой дом и хозяйственные постройки 1930-х гг. Кельки – родовой дом ливского педагога, деятеля культуры, знатока ливского языка, поэта Петериса Дамберга (1909-1987), сохраняется как место его памяти. Жилой дом *Киласидаму*, построенный в 1892 г., старейшее жилое здание в поселке. Это была одна из малых усадеб центра поселка, предусмотренная для проживания семьи рыбака и для магазина; *Винамеги* – комплекс малой усадьбы рыбака и кузнеца, принадлежащей нескольким поколениям семьи кузнецов Лемани. *Базницкална* – комплекс нового хозяйства рыбака; жилой дом и хозяйственные постройки 1930-х гг., соответствующие строительным образцам того времени. *Вецвалки* – усадебный комплекс рыбака и земледельца, жилой дом которого построен в три приема с 1924 по 1961 г. Усадьба размещена на месте старых построек. Сохранена старая система огорожения. Возделан большой сад.
- *Жилой дом Судравитолу* – здание сложной планировки, построенное на рубеже XIX-XX вв. торговцем лесом Эдуардом Волганским. Это единственный известный на территории “Берега ливов” объект подобного социального значения. Сохранился вместе с большим садом и раскидистыми серебристыми ивами, посаженными вокруг усадьбы.
- *Дзилнас и Пенти* – сохранившаяся часть усадьбы рыбака и земледельца. Комплекс был построен как общая усадьба братьев Биезбардисов с частично дифференцированными зданиями. Жилой дом воздвигнут в 1923 г. “на два конца”, как общий дом двух братьев, сохранивший признаки старого длинного ливского дома (с секциями). Оба конца дома имеют единообразную планировку, содержат по кухне и по две комнаты. Коптильня построена в начале XX в. на фундаменте из обтесанных стволов. В вырытой в дюнах яме устроен каменный погреб с низким сводом.
- *Спроги* – сохранившаяся часть усадебного комплекса рыбака и торговца: жилой дом, построенный в начале XX в., где существовал магазин. Баня с коптильней, построенная в 1920-е гг., где сохранилась печь, построенная из валунов. Построенная в 1930-е гг. конюшня с пристройкой для кормов.
- *Анбанки* – сохранившаяся часть усадебного комплекса капитана дальнего плавания: жилой дом желтого кирпича (вывезенного с Сааремаа) капитана Анбанка, построенный в конце XIX в., и хозяйственные постройки. Анбанки – единственная усадьба капитана на “Берегу ливов”, сохранившаяся в таком хорошем состоянии.
- *Зиедлею* – жилой дом конца XIX в. В 1932 г. здесь была открыта первая ступень средней школы Сикрага, был также магазин.
- Сохранившаяся часть усадебного комплекса *Лукиши* – малая усадьба хорошо известного в округе ливского столяра Карлиса Приедитиса: построенный в 1930-е гг. жилой дом и конюшня 1920-х гг., в их фундамент вертикально врыты смолистые сосновые брусья (что представляет собой архаический элемент строительства).

В МИКЕЛЬТОРНИСЕ (ВОЛОСТЬ ТАРГАЛЕС, ВЕНТСПИЛССКИЙ РАЙОН)

- *Кайяс* – здание корчмы Пизе, построенной в 1853 г. Сохранилась планировка и конструкция, характерная для корчмы середины XIX в. Особенную ценность представляет монументальная круговая система отопления. Это единственная корчма в ливских поселках, сохранившаяся до наших дней.
- *Яуннабелю* двухкамерный амбар. Построен, вероятно, в середине XIX в. Сохранилось расположение и конструкция старого амбара.

В ЛУЖНЕ (ВОЛОСТЬ ТАРГАЛЕС ВЕНТСПИЛССКОГО РАЙОНА)

- *Кромкални* – комплекс нового хозяйства 1930-х гг.: жилой дом, амбар, хлев, и другие здания размещены по периметру прямоугольного двора. Сохранилась старая система огорожения – жердевая и плетневая изгородь. Усадьба в очень хорошем состоянии, это единственное хорошо поддерживаемое новое хозяйство 1920-30-х гг. на всем побережье от Овижи до Яунсемса.

(Перевела с латышского Светлана Рыжакова)

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ МЕСТА РАССЕЛЕНИЯ ЛИВОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ ЛАТВИИ К XIII веку
Карта-схема создана на основе: *Latvijas Vēsture. Rīga, 1992. 21 lpp.*

